

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Девять с половиной

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Юлия Славачевская
Девять с половиной

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Славачевская Ю. В.

Девять с половиной / Ю. В. Славачевская — «АЛЬФА-КНИГА», 2016

Простой рецепт счастья: мужчина, девушка, любовь. Приправы: гарем, яды и соперницы. В итоге получаем девять камней. Не понятно? Зато весело.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Славачевская, Марина Рыбцкая

Девять с половиной

*Мужчина нужен женщине для того, чтобы быть слабой.
Сильной она может быть и без него!*
NN

Пролог

На восточном базаре трое нищих окружили старика в одежде дервиша, который ехал на маленьком лопоухом ослике с грустными глазами.

– Что есть жизнь? – спросил один из нищих, одетый в драные грязные шаровары и жилетку.

– Возможность чувствовать, быть, – невозмутимо ответил старик, не останавливаясь.

Ослик посмотрел на вопрошающего грустными глазами и кивнул.

– Что есть чувства? – влез второй, поправляя засаленный бурнус непонятного цвета.

– Возможность ощущать дыхание этого мира, – пояснил дервиш, следуя только одному ему известным маршрутом.

Ослик бойчее застучал маленькими копытцами.

– Что есть сущность? – закрутился вокруг парочки третий, сверкая смуглой кожей через прорехи рваного кафтана.

– То, что делает нас живыми, – растолковал пожилой мужчина троице, крутящейся вокруг него в непонятном танце.

– Кто ты?.. Кто вы?.. – загомонили, провыли на разные голоса странные нищие.

– Мы – те, кто выбирают сами, кем быть. В этом выборе нет третьих лиц. Ты выбираешь и живешь с этим выбором, пока выбор не становится жизнью. Это и есть Судьба... – усмехнулся дервиш. – Хотите, я расскажу вам историю о...

– Мы увидим ее сами! – крикнули нищие, становясь песчаными вихрями и уносясь прочь. – Мы видим все! Все!

– Видите глазами и слепы душой, – фыркнул старик, продолжая свой путь. – Лишь те, кому суждено, увидят в этой истории любовь, борьбу и познание... Для остальных это всего лишь сказка...

Глава 1

*Когда что-то долго ищешь, то всегда что-нибудь найдешь.
Иногда даже нужное...*
Эля

Осень вступила в свои права: позолотила деревья, подернула свинцовой пленкой небо, заплакала мелкими злыми слезами уходящей в зиму одинокой старости...

Я шла под моросящим непрекращающимся дождем, загребая ногами опавшие листья, и грустно перебирала гладкие камешки-голыши в кармане. Их ровно восемь, а надо девять, одного не хватает. В этом-то и вся беда.

У меня сегодня выдался на редкость невезучий день. Все началось с того, что мой гражданский муж Дмитрий, с которым мы прожили вместе три года, собрал утром сумку и с глухой враждебностью оповестил меня:

– Прощай. Я ухожу.

На мой недоуменный вопрос: «В чем дело? Почему вот так сразу, резко? Я чем-то обидела тебя? У тебя проблемы, о которых я не знаю? Другая женщина? Что-то стряслось?» – он пожал широкими плечами и с мрачной решимостью ответил:

– Конечно же другая женщина, а больше ты ничего не надумала? Просто надоело все. Устал от тебя и этой дерьмовой скучной жизни. Хочу чего-то нового, денег, тачку поприличнее, какой-то перспективы хочу! У всех бабы как бабы, а ты – дура... – И ушел не оглядываясь, оставив меня одну.

Вот так просто: «Я ухожу». Как будто не было этих лет... Словно он каждый раз после очередного запоя, пьяного дебоша или скандала не умолял: «Прости. Не уходи. Ты нужна мне как жизнь, как дыхание. Я перестану пить. Только будь рядом, я все сделаю, я изменюсь».

Ну да, изменился он. Ага, как же. Только в худшую сторону. Пить стал больше, работать меньше, а во мне окончательно перестал видеть человека. Деньги отдавать тоже перестал, от слова «совсем». Который месяц я с трудом обеспечивала наше существование, включая снеки и пиво для мужа и его друзей, целиком из своего кармана. Зато я превратилась для него в домашнего любимца, который по первому слову приносит в зубах тапочки и на которого по пьяной лавочке не зазорно поднять руку. Безделье и власть над кем-то развращают, даже если это лишь иллюзия власти.

Устал... И надоело или надоела? Что ж, Митя, перспективы так перспективы, против такого аргумента и с бульдозером не поперешь. Прощай и не грусти...

Впрочем, не важно. Бог с ним. Хватит киснуть, давно пора выходить из глубокой депрессии, куда я загнала сама себя.

Да, я боюсь чертова колдуна, признаю. До дрожи, до подгибающихся коленок, до криков ужаса. Боюсь так, что мне страшно высунуться на улицу, войти в толпу, прокатиться в метро. Его образа мерещится мне на каждом шагу, заставляя обливаться холодным потом. В каждой витрине, газете, в цветном журнале, в каждом уличном баннере мне чудится его злорадная улыбка, в ушах смертельной музыкой звучит последнее обещание.

Но этот страх меня почти убил. Смысл бояться ЕГО, чтобы превратиться в домашнюю собачку пивного алкоголика, почти бомжа? Мне! Не смешно.

И меня замучили сны. Сны, в которых ко мне приходит мельком мой синеглазый воин. Наверное, любой психиатр скажет, что он – плод моего воображения. Или что это моя сублимация. А может, что я наконец в состоянии принять свои потребности и храбро посмотреть им в лицо. Но я знаю, что это не так.

Солнце мое, синеглазый воин... любовь моя, печаль моя. Минуло много лет, а твой образ стоит перед глазами запретной размазанной темной дымкой, я не вижу и не узнаю твое лицо, только любящие и любимые глаза.

И я устала искать тебя через годы и расстояния, встречать и терять бесконечное количество раз. Не хочу больше, не выдержу – сломаюсь. Я уже почти сломалась, превратилась в дрожащую крысу, которой бьют током по оголенным нервам, в медузу, в желе, которое трясется от малейшего движения.

Хватит. Больше я не сдамся. Даже без последнего камня жизнь продолжается. А ты, любимый, на этот раз живи. Живи без меня. Я сильная, я справлюсь. И ты сильный, я знаю. Не встретив свою погибель, ты женишься и заведешь кучу красивых детей. У тебя все будет хорошо, потому что иначе быть не может. Я люблю тебя и буду любить всегда, но ты этого уже не узнаешь. Мое время почти вышло, и это замечательно. Лишь отсутствие последнего камня сильно огорчает меня – ненавижу рабство в любых его проявлениях! Впрочем, и это не важно тоже.

Вторая неприятность случилась на работе. Я работала в маленькой туристической фирме на трехмесячном испытательном сроке, помпезно именуясь менеджером, а на самом деле – оформляла бумаги в посольствах, высиживая долгие очереди, работала на полставки секретарем, варила для всех кофе и еще бегала курьером.

В таких фирмочках обычно мало персонала, они в основном семейного типа: никого из своих не выгонишь, а «свежая кровь» в коротких юбочках и прочие развлечения в основном обеспечиваются за счет притока стажеров, которых меняют как перчатки безо всякой пощады.

Сегодня пришел мой черед.

Как только я пришла утром в офис, меня немедленно вызвал наш хозяин Иван Михайлович Котельников, пожилой обрюзгший мужчина с сальным взглядом, и задал все тот же, уже три месяца повторяемый изо дня в день вопрос:

– Надумала?

– Нет.

Услышав мой ответ, Котельников озлобился и решительно сообщил, припечатав ладонью по столу:

– В таком случае ты уволена. Пиши заявление по собственному желанию, если хочешь получить расчет, и убирайся с глаз моих.

Естественно, я написала и, получив лишь половину честно заработанных копеек, вернулась в пустую съемную квартиру, за которую мне теперь нечем было платить. Но и на этом мои неприятности на сегодня не закончились: оторвалась подошва у единственной пары осенне-зимних сапог. Это было последней каплей, и я заплакала, не представляя, что делать и как жить дальше. Моих денег могло хватить на что-то дешевое, но в таком случае придется голодать.

Пребывая в полнейшем унынии и вытирая слезы, катящие градом из-под темных очков, я даже не заметила, как подошла к перекрестку.

Визг тормозов. Внезапный удар – и я оказалась посередине громадной грязной лужи. «Вот оно, достойное завершение сегодняшнего дня!» – только эта мысль билась в моей несчастной голове, пока я, замерзшая и насквозь промокшая, отползала из-под колес к тротуару.

Хлопнула дверца. В поле моего зрения оказался светловолосый мужчина лет тридцати, жутко рассерженный и начавший кричать, как только увидел ползущую меня:

– Ненормальная!!! Тебе жить надоело?! Какого хрена под колеса бросаешься?

– Извините, – пробормотала я, вытирая слезы рукавом поношенной куртки неопределенного цвета. – Я сама виновата... Задумалась.

Он присел рядом на корточки, давая возможность рассмотреть удивительно яркие глаза цвета грозового неба. И, видимо, то ли в нем проснулась совесть, то ли слишком жалкое зрелище я собой представляла, но мужчина сбавил тон и спросил:

– Ты как? Сильно пострадала? В больницу нужно?! Страховка есть? «Скорую» вызвать?

Я прислушалась к ощущениям и мотнула головой:

– Страховки нет. Я совсем не пострадала, лишь испугалась... Вы не беспокойтесь, езжайте дальше. Все в порядке, никуда звонить не надо.

Он хмыкнул на мое предложение и вдруг заинтересовался, указывая на темные очки:

– Не мешают? Вроде бы не по погоде аксессуар?

– У меня светобоязнь, – объяснила я, старательно размазывая грязь по лицу одной рукой и одергивая задравшуюся юбку другой.

Колготки, естественно, тоже приказали долго жить, не вынеся моего падения после удара машины. Ко всем вынужденным тратам прибавились еще покупка новых колготок и чистка куртки. Жизнь меня сегодня особенно усердно любила и рьяно пинала во все уязвимые места.

– О чем же ты так замечталась, что машины не заметила? – прервал мои безрадостные размышления блондин.

– Да так, ни о чем особенном, – вздохнула я. – Муж ушел, с работы сегодня уволили, сапоги порвались, денег нет и за квартиру платить нечем. Как видите, сплошные пустяки.

Мужчина присвистнул, задумался на минуту и осведомился:

– Готовить умеешь? Права есть?

Я удивленно кивнула, подтверждая и умение готовить, и наличие прав. Меня еще раз внимательно осмотрели и предложили:

– С мужем, конечно, помочь не могу, это не в моей власти, а вот с работой – запросто. Мне экономка нужна. Предыдущая вышла замуж за отставника и помахала мне ручкой. Проживание и питание за мой счет. Один выходной. Обязанности несложные: завтрак, обед и ужин в определенное время, закупка продуктов и уборка в доме плюс иногда стирка. Испытательный срок два месяца, плачу штуку в месяц.

– Рублей? – спросила я, абсолютно обалдев от такого заманчивого предложения, решающего разом все мои проблемы.

На меня посмотрели как на идиотку и разъяснили:

– Евро. Ну что? Согласна?

Это было даже лучше, чем я могла мечтать. Помимо прочих проблем решалась еще одна, но самая важная: там меня найти будет намного труднее.

– Я согласна.

– Вот и прекрасно! – удовлетворенно заметил мужчина. Просветил: – Меня зовут Максим Александрович Воронцов.

– Эля, – отрекомендовалась я, пытаясь придать себе устойчивое вертикальное положение.

С любопытством глядя на мои попытки, Максим Александрович соизволил протянуть руку и, схватив за предплечье, выровнять. Ну и силища у него – вцепился, будто стальным захватом!

– Садись в машину, Эля. Поедем знакомиться с рабочим местом, – взял быка за рога... извините, меня за локоть, мой будущий работодатель и потащил к задней дверце.

На подходе я начала сопротивляться:

– Я вам тут все запачкаю!

Блондин остановился, окинул взглядом меня, обляпанную грязью в лучших традициях абстракционизма, потом, безмолвно соглашаясь с моим заявлением, порылся в багажнике джипа и, выудив тряпку, всучил ее мне со словами:

– Постели на сиденье.

Устроившись на заднем сиденье, я с интересом прилипла к окну, рассматривая, куда мы едем. Ехать пришлось минут сорок, до загородного закрытого поселка, что привело меня в дикий восторг. Идеальное место, чтобы спрятаться! Никто посторонний не прорвется, и искать не догадаются. Проехав пропускной пункт и сделав еще пару поворотов по внутренней дороге, мы остановились у довольно внушительного двухэтажного особняка.

Выйдя из машины, Максим проводил меня вовнутрь, показывая немаленьких размеров дом, пока не довел до своего кабинета. Там, усевшись за стол, он потребовал:

– Паспорт и права.

Получив запрашиваемое, проверил документы и вернул мне права, сообщив:

– Паспорт останется у меня на время испытательного срока. Если документ будет нужен – просто скажи заранее.

Я пожалала плечами: не так уж часто мне приходилось пользоваться этим паспортом. Работодатель развалился в кресле и приступил к выдаче инструкций:

– Значит, так... Завтрак в восемь ноль-ноль должен стоять на столе, обед – в четырнадцать ноль-ноль, ужин – в двадцать ноль-ноль. Деньги на продукты будешь получать каждый понедельник. В холодильнике всегда должна стоять охлажденная бутылка шампанского и легкая закуска. Особых пристрастий в еде у меня нет, так что готовь что хочешь, лишь бы вкусно. – Он полез в ящик стола и вытащил связку ключей. – Здесь ключ от входной двери, электронный ключ от гаража и внешних ворот и ключ от «опеля». И еще рекомендация: чем меньше ты будешь мозолить мне глаза, тем дольше проработаешь. Усекла?

Я заверила, что усекла и прониклась, и мне показали место моего нового проживания. Комната мне очень понравилась: она была расположена на первом этаже, не слишком большая, но светлая и уютная. Максим подождал, пока я осмотрюсь, и предложил:

– Оставайся сегодня здесь, а завтра съездишь за вещами и решишь свои дела. Завтрак утром можешь не готовить. Деньги на продукты оставлю на кухонном столе. И еще... подожди, я сейчас вернусь.

Не было его минут десять. За это время я успела рассмотреть обстановку, в которую входили односпальная кровать, прикроватная тумбочка, маленький телевизор и встроенный шкаф. И самое главное – у меня была своя отдельная душевая кабинка и туалет! То ли жизни надоело устраивать мне пакости и она решила ради разнообразия слегка улыбнуться, то ли в кои-то веки я вытащила лотерейный билетик. Такого со мной давненько уже не случалось. Вы даже не представляете себе, насколько давно!

Вернувшийся работодатель протянул стопку одежды и пояснил:

– Нужно тебе во что-то переодеться... Не поедешь же ты завтра во всем грязном! – демонстративно окинул взглядом мой внешний вид. И продолжил: – В ванной есть халат и шлепанцы, здесь футболка и спортивные штаны, а где стиральная машина, ты уже видела. Захочешь есть – холодильник в твоём распоряжении. Хм, и я совсем не буду возражать, если и мне что-то перепадет на ужин...

С этими словами он ушел, а я закрыла дверь на ключ и поторопилась в душевую, но по дороге зацепилась взглядом за зеркало на стене, невольно останавливаясь. Да уж... Как меня не приняли за чучело – неизвестно! Видимо, у Максима Александровича доброе сердце и весьма хорошее зрение, поскольку то, что я вижу в зеркале, женщиной назвать крайне сложно! Белый беретик, давно потерявший форму и обзаведшийся махрушками, стал серым и еще более жалким. Лицо измазано грязью, которую, в свою очередь, прочертили дорожки слез. Цвет куртки вообще определению поддавался с трудом, хотя раньше был серым.

Я вздохнула и, на всякий случай оглядевшись в поисках камер, скинула тряпье, сняла очки и шагнула в душ. После горячей воды и порции хорошего мыла настроение подскочило еще выше, и мне захотелось сделать Максиму приятное – например, приготовить ужин. Переодевшись в любезно предоставленную хозяином одежду и замотав шарфиком практически высохшие волосы, я надела очки и отправилась на кухню. Изучив содержимое холодильника, пришла к неутешительному выводу о нехватке необходимых ингредиентов для предварительно задуманного мной меню и значительно его упростила, основываясь на имеющихся продуктах.

Пока на плите все кипело и булькало, я успела постирать и высушить свою одежду. К девяти часам вечера стол был сервирован, и, отложив себе мини-порцию на тарелку, я подошла к лестнице, ведущей наверх, крикнула:

– Максим Александрович, ужин готов! – и ушла к себе.

Вскоре вниз прогрохотали шаги голодного (как я предполагала) мужчины. Его ждала курица по-французски и свежий салат с авокадо. Минут через сорок в дверь деликатно постучали со словами:

– Спасибо, все было очень вкусно. Я рад, что не ошибся с выбором.

Дождавшись, пока хозяин уйдет, я вышла, помыла посуду и отправилась спать, заведя будильник на семь часов утра.

Раскаленный песок жестко скрипит под босыми ногами, стертыми в кровь тяжелыми кольцами ножных кандалов. Подошвы буквально дымятся. Длинная вереница невольниц, скованных цепью в одну линию, тащится медленно-медленно. Жаркое солнце нещадно палит прикрытую материей голову. И постоянная, непрекращающаяся жажда. Но воды нам почти не дают. Вместо воды дали сосать плоские шлифованные камешки. Мы идем по пустыне уже несколько часов, подгоняемые резкими гортанными окриками и ударами бичей охранников.

Кто я? Где нахожусь? Зачем я здесь? Все воспоминания и чувства стерты. Внутри холодное безразличие и пустота. Я просто иду туда, куда нас гонят, и жду хоть каких-то объяснений случившемуся. Сил остается все меньше и меньше. Вот уже первая замотанная в тряпки девушка в изнеможении опускается на песок. К ней подъезжает охранник на странном горбатом животном и, спешившись, пытается поднять, избивая плеткой и громко изрыгая ругань на непонятном мне языке.

Попытка не удастся, и девушка, мотая головой, бессильно ложится навзничь, отказываясь двигаться дальше. Тогда нам разрешают отдохнуть. Следуя отрывистому приказу, рабыни садятся на горячий песок, радуясь передышке и вполголоса переговариваясь друг с другом. Я не понимаю их слов: мне незнаком этот язык, поэтому, видимо, ко мне никто и не обращается. Вдоль ряда сидящих женщин двигается молодой мужчина с сосудом и чашкой в руках и разливает воду. Наконец доходит очередь и до меня. Я с наслаждением пью теплую, пахнущую затхлостью воду и рассматриваю разносчика. Он высок и строен, будто тополь, смугл, горбонос и черноглаз. Мужчина, удивленный моим пристальным вниманием, задает вопрос, на который я не могу ответить, не понимая ни слова.

Пожав плечами, отдаю чашку назад, но смуглый житель пустынь не торопится уходить. Долго и пристально разглядывает меня, потом, взяв за подбородок, всматривается в глаза и что-то кричит остальным.

Через несколько минут меня окружают уже шестеро мужчин, и каждый из них внимательно изучает мои глаза. Что они ищут там? И что находят? Между ними возникает горячий спор, сопровождаемый размахиванием рук и энергичными жестами. Судя по тому, как на меня поглядывают невольницы, решается моя судьба. Мне все равно...

Обсуждение длится несколько минут, во время которых к их группе присоединяется еще один мужчина в богатой одежде. Выслушав остальных, он подходит ко мне, берет за подбородок – и снова осмотр. Покрутив мою голову в разные стороны и не отрывая взгляда от моих глаз, он что-то отрывисто приказывает остальным, и вокруг меня начинается круговорот. Меня отсоединяют от общей цепи и куда-то ведут. «Куда-то» оказалось недалеко, лишь несколько метров до стоящей в стороне повозки.

Там на меня надевают другие кандалы, более легкие и удобные, и, выдав дополнительный кусок ткани, подталкивают к повозке, где уже сидят две закутанные до самых глаз девушки. Когда я пытаюсь залезть на повозку, один из мужчин останавливает меня и начинает что-то быстро лопотать, показывая на материю в моих руках. Я не понимаю, чего он хочет, и тогда, выхватив ткань, мужчина закутывает меня и подсаживает наверх, напоследок скрепляя цепь от наручников с кольцом, прикрепленным на краю повозки. Дальше мое «путешествие» продолжается в более комфортных условиях. Конечно, жарко и душно по-прежнему, но хотя бы нет изматывающей усталости, и поят нас гораздо чаще, чем остальных.

Сейчас, когда не нужно думать о том, как бы не упасть, я старательно копаюсь в памяти, пытаюсь разобраться, каким образом здесь очутилась.

Но память упорно подсовывает мне чистый лист. Прошлого нет совсем, оно стерто, уничтожено. Кем? Зачем? Почему? Такое ощущение, что моя жизнь началась несколько часов назад в этой раскаленной солнцем пустыне...

Глава 2

*Путь к сердцу мужчины лежит через желудок.
Но иногда этот путь такой извилистый, что сразу и не
поймешь, стоит ли искать.*

Эля

Будильник зазвонил ровно в семь утра. Спросонья долго соображала, где нахожусь, рассматривая незнакомую комнату, и, наконец вспомнив, облегченно вздохнула и вскочила с постели. Умывшись, затянула волосы в тугий узел и прикрыла шарфом, подобно деревенской старушке. Ну и пусть, зато не привлечет мужское внимание. Следом я водрузила на нос темные очки и отправилась на кухню. Сегодня в меню были французские блинчики со взбитыми сливками и турецкий кофе, аромат которого распространился по всему дому.

Заслышав шум и шаги на втором этаже, я быстренько убрала за собой, накрыла на стол и слиняла к себе в комнату перебирать свое богатство – восемь камушков без девятого. Белая бляшка кварца, черный в серых пятнышках базальт, нежная яшма, вся в молочно-коричневых разводах, кусочек темного нефрита, зеленый авантюрин, тигровый глаз, бирюза, мини-кабошон кровавика.

Не хватает одного, особого камня, размером с голубиное яйцо; чистого, как слеза; ценой дороже мешка золота. Но его ни в одном музее не украсть, он такой один, и очень мне нужен.

Через некоторое время в дверь раздался стук, и, высунув нос наружу, я увидела своего работодателя, облаченного в деловой темно-серый костюм и белую рубашку. Впечатление он производил весьма и весьма импозантное.

– Эля, спасибо за завтрак. Деньги на продукты я оставил на столе. Может, тебе нужен какой-то аванс на новые сапоги? – сказал мне Максим Александрович, пока я на него невежливо глазела через черепаховые очки.

Переварив услышанное, я ответила:

– Нет, спасибо, не надо. Поскольку я теперь на полном пансионе, то средства на покупку обуви у меня есть. – И подумала: «Вот что с мужчиной делает сытный и вкусный завтрак – даже расщедриться готов. Получается, путь к кошельку мужчины лежит через сытную еду? Вечно меня на бредовые мысли тянет!»

В то время когда я витала в эмпиреях, мой начальник отбыл на работу, оставив мне деньги и список покупок. Изучив сей шедевр, я пришла к неутешительному выводу: мужчины ничегошеньки не понимают в благородном деле закупки еды, предпочитая получать продукты уже нарезанными на столе и в готовом виде. Хохотнула. Ну и бог с ним. Мне же лучше, если из-за этого появились средства к существованию!

Я оделась, взяла ключи от машины и поехала делать свои дела вперемишку с рабочими делами. Мне удалось совершить практически все, что запланировала: забрать вещи; переговорить с квартирной хозяйкой и отказаться от жилплощади; смотаться на несколько рынков и в пару супермаркетов. Также я стала счастливой обладательницей замшевых полусапожек на рыбьем меху и пяти платьев неопознанной расцветки и размера, пугающего множеством «иксов» перед буквой L на этикетке. В общем, на место своего нового проживания заявила в прекрасном настроении.

До ужина еще была куча времени. Я не спеша разобрала покупки и, переодевшись, внимательно изучала себя в зеркале. Безразмерное платье длиной до середины икры, теплые овчинные чуни с шерстяными носками и головной платок, завязанный по брови, делали мой

облик незаметным и малопривлекательным. Именно таким, как я и хотела. Удовлетворившись осмотром, поплыла на кухню творить кулинарные шедевры.

Вошедшего в полвосьмого вечера Максима Александровича встретили вкусные запахи печеночного торта и домашнего жаркого, а также сдача от закупки продуктов, оставленная мной на краешке накрытого к ужину стола.

По установившейся традиции в мою дверь постучали часом позднее и попросили:

– Эля, открой, пожалуйста.

– Вы что-то хотели, Максим Александрович? – спросила я, распахивая дверь.

– Вообще-то да... – начал говорить мужчина, но, увидев мой внешний вид, застыл с удивлением во взоре. Помолчав немного и придя в себя, уточнил с иронией: – Тебе удобно?

– Как нельзя более! – бодро отрапортовала я и замолкла, ожидая вопроса, с которым шеф ко мне пришел.

– Ну-ну... Это, конечно, твое личное дело – в чем ходить, только уж очень чудно выглядишь, – оценил работодатель. И продолжил: – Но я не об этом хотел спросить... Ты уверена, что купила все необходимое на неделю?

Максим ассоциировался у меня с алмазом: такой же твердый, яркий, чистый внутри. Если на минуточку представить, что камень мог стать человеком, я давно завопила бы: «Нашла!» – и с криками радости вернулась домой. Но... но. Увы. Камни людьми не бывают, хотя люди часто бывают камнями. Вот такой парадокс.

– Да. А что? – любопытствовала я. В голове мелькнула мысль: «Неужели он что-то просил, а я забыла? Вроде бы нет, ничего, кроме еды, не упоминалось».

– В сущности, ничего... просто многовато денег осталось от закупок. Поэтому и интересуюсь, – объяснил Максим Александрович.

Облегченно вздохнув, я пояснила:

– Многие продукты я купила на рынке и на оптовой базе, там свежее и дешевле.

Он как-то странно на меня посмотрел, поблагодарил за ужин, пожелал спокойной ночи и ушел.

«И что ему показалось таким удивительным?» – размышляла я во время мытья посуды и уборки на кухне. Вообще-то на кухне я разыскала встроенную посудомойку навороченной модели, но было лень запускать ее из-за пары тарелок. И еще, наверное, привычка...

После того как все было вымыто, вычищено и приготовлено на завтрашний день, я ушла к себе, где минут двадцать пялилась сонными глазками в зомбоящик, ничегошеньки не понимая в хитросплетениях сюжетной линии бесконечного сериала, а потом благополучно уснула.

Вечером наш караван подошел к оазису. Бедуины развили бурную деятельность, чтобы обустроить живой товар. Поставив несколько легких шатров, они натянули подобие тента над невольницами, которые по-прежнему оставались скованными цепью друг за другом. Затем девушкам выдали по паре фиников, пресную лепешку и чашку воды. Нас троих сняли с повозки и отвели в один из шатров, где позволили напиться и поесть. В отличие от других, к нашим лепешкам полагались кусок вяленого мяса, пригоршня размоченной кашицы – не то крупы, не то гороха, и несколько кусочков сочных фруктов. Видимо, сказывалось привилегированное положение.

Почему они отобрали меня? По каким причинам? Додумать мне не дали. Пришедший юноша дернул меня за ручную цепь и жестами приказал следовать за ним. Приведя в другой шатер и поклонившись мужчине в белом бурнусе и богатых одеждах, мелкий покинул нас, оставляя наедине.

Мужчина встал, обошел вокруг меня несколько раз и начал разматывать ткань, укутывавшую мое тело с головы до ног. В результате он оставил меня практически обнаженной, если не считать набедренной и нагрудной повязок.

Поцокав языком от восхищения, взвесил на руках волосы, спускавшиеся ниже талии. Намотал их на руку, подтащил меня к горевшему факелу, рассматривая удививший его оттенок: в темно-каштановых волосах, закручивающихся крупными кольцами, мерцали огненные блики. Правда, все это великолепие, которым он восхищался, мне показалось довольно жалким из-за грязи и пота.

Но о вкусах, как говорится, не спорят... Отпустив волосы, мужчина отошел в сторону и, не спуская с меня глаз, намочил в кувшине тряпку, после кинул ее мне, показав жестами, чтобы вытерла лицо.

Этот приказ я выполнила с удовольствием, избавившись от грязи и соли, тонким слоем покрывавших кожу. После того как закончила, я подверглась еще более тщательному осмотру, начиная от лица и заканчивая ступнями ног. Стертые до крови лодыжки ему не понравились, и, замотав меня обратно в ткань, мужчина громко крикнул, словно кого-то подзывая.

На крик в шатер немедленно зашел юноша, которому были отданы какие-то указания. Молодой человек выслушал, низко поклонился и повел меня обратно. Уже в шатре, отведенном для нашего ночлега, он подошел к одной из девушек и что-то произнес. В ответ на его слова та покорно склонила голову и подошла ко мне. Присев рядом, ткнула пальцем себя в грудь и сказала:

– Алейда.

Я поняла, что так ее зовут. После она показала в мою сторону и выразительно спросила, тыкая пальцем в грудь, как мое имя. Криво улыбаясь, я огорченно пожала плечами: если бы я знала!

Улыбнувшись, Алейда потрепала меня по руке и начала обучать местному языку, оказавшемуся на удивление несложным. Я уже выучила с пяток слов, когда в шатер вошел пожилой мужчина в белой просторной одежде. Он смазал мои раны на лодыжках зеленой мазью, приятно пахнувшей чем-то горьковатым и свежим, и замотал поверх мази узкими полосами материи, препятствуя контакту металла с кожей. После его ухода мы еще немного поучили с Алейдой язык и вскоре улеглись спать.

Глава 3

*Встреча прошлого и будущего часто влияет на настоящее.
Часто физически.
Эля*

Будильник, как обычно, прозвенел ровно в семь...

Моя жизнь покатила по размеренной колее: уборка, готовка, стирка, глажка. С утра, накормив Максима Александровича завтраком, я принималась за домашнюю работу и готовила обед. После обеда мне изредка требовалось выехать в город для пополнения запасов продуктов. Деньги мне всегда оставляли и отчета уже не требовали, как будто работодатель знал, что я его не обману и себе лишнего не возьму. С одной стороны, подобное доверие не могло не радовать, а с другой – накладывало определенные обязательства.

Незаметно прошел месяц, в течение которого у Максима Александровича были в гостях несколько дам. Я их не видела, но смогла определить, что это не одна и та же посетительница, по звуку шагов, смеху и цвету помады на бокалах и простынях. Утром, меняя постельное белье после их ухода, я физически ощущала запах секса, пропитавший спальню насквозь. Видя после этого Максима Александровича в разбитом состоянии, я понимала, почему это происходит, но с этим ничего поделать не могла.

В субботу вечером, когда я мыла посуду после ужина, внезапно появился Максим Александрович, никогда до этого не спускавшийся вниз после того, как трапеза заканчивалась. Услышав его шаги, я напряглась, но посуду мыть не перестала, ожидая объяснения причины, заставившей его изменить свои привычки.

– Эля! Завтра месяц, как ты работаешь у меня, и я решил выдать тебе заработную плату заранее. У тебя завтра выходной, и, возможно, ты захочешь что-то себе купить, – раздался за спиной спокойный голос.

– Спасибо, – пробормотала я, неподдельно тронутая заботой.

Обернувшись, вытерла руки и приняла протянутый конверт, спрятав его в карман фартука. Зачем мне было говорить ему, что я не собираюсь ничего покупать и тратить эти деньги, а отложу средства на будущее? Не желая снова оказаться в ситуации отчаянного безденежья, я давно решила для себя, куда пойдут заработанные средства, – в банк, и никуда больше, следуя принципу кота Матроскина: «А я ничего не буду! Я экономить буду!»

– Эля, я хотел бы расспросить тебя о личном, если ты не возражаешь. – Максим Александрович стоял в дверях, опершись плечом о косяк двери.

Обманчиво-равнодушный тон не ввел меня в заблуждение. Ясно чувствовалось, что свой вопрос он все равно задаст и мои возражения тут особой роли не сыграют, поэтому пришлось кивнуть головой в знак согласия.

– Почему вы расстались с мужем?

Первым желанием было выпалить: «А вам какое до этого дело?» Но не думаю, чтобы этот ответ вызвал адекватную реакцию. Лишиться места работы мне отчаянно не хотелось.

– Не знаю, – честно ответила я, не поднимая головы. – Он просто собрал вещи и ушел, сказав, что ему все надоело, он устал, хочет лучшей жизни и перспектив, особо не распространяясь, почему и зачем, что его не устраивает.

– И ты не пыталась узнать? – В голосе Максима Александровича слышалось плохо скрываемое любопытство.

– Пыталась, и даже про другую женщину спрашивала. Но внятного ответа не получила. Да оно и к лучшему. Я тоже устала от бесконечной пахоты без слова благодарности. Он прав: пора начинать новую жизнь. Мы смертельно устали друг от друга.

– Скажи, а ты хотела бы с ним встретиться? – продолжил допрос работодатель, не сводя с меня пристального взгляда.

– Нет. Все слова уже сказаны. Есть люди, которым всегда мало, – это я про своего бывшего. И я не прощаю предательства, с меня довольно, – сообщила я и принялась ожидать следующих вопросов, но их не последовало.

Тогда я еще не знала, что начальник службы безопасности моего работодателя специально нашел Дмитрия. После телефонного звонка Максим Александрович и мой гражданский муж встретились.

Встреча произошла в любимом заведении Дмитрия «Три караса», где подавали достаточно качественное и дешевое пиво, которое мой сожитель с приставкой «экс» обожал всей своей уставшей от меня душой. Поздоровавшись и обменявшись рукопожатием, мужчины уселись за столом. Дмитрий спросил:

– Чем обязан?

– Я бы хотел поговорить с вами об Эле, – объяснил причину встречи Максим.

– А что о ней говорить? Баба как баба, только с придурью и выкрутасами, – заявил Дмитрий и присосался к пол-литровой кружке с пивом, услужливо принесенной подавальщицей. – Больно запросы... высокие, словно у королевишны. Ношеное не покупает и не носит, доедать-допивать за кем-то брезгует, скорее голодной останется. Друзей моих закадычных не привечает и не любит, не пьет в компании...

– И в чем еще выражаются ее выкрутасы? – осторожно спросил собеседник, отодвигая свою кружку и внимательно разглядывая Дмитрия.

Последний сначала пьяно оживился, даже разразился матерной тирадой, потом потух, лениво пожал плечами и вполне искренне ответил:

– Вы лицо ее видели? А фигуру? Девке бы на мировых подиумах выступать и в конкурсах красоты участвовать, а она в балахоны заматывается и очки на пол-лица таскает, распустеха. Будто морду прячет. Зачем, спрашивается? Сколько я ни выпытывал, вразумительного ответа так и не получил. Глаза опустит и молчит, дура деревенская.

– Если она настолько красива, почему же вы от нее ушли? – прозвучал резонный вопрос.

– Да потому что надоели ее покорность и молчаливость хуже горькой редьки! Ни слова поперек, ни полслова! Я ее с горя даже поколачивать начал, а она все терпит, не жалуется, только плачет тихонечко в подушку и глаза опускает, на меня не смотрит, словно вконец опротивел! – взорвался Дмитрий. – Она могла бы такие бабки заколачивать, мне и не снились! Так нет же, сидит на своих копейках, одевается в дешевое китайское барахло и радуется!

Максим переглянулся с начальником охраны, стоявшим поодаль. В глазах у них читалась одна мысль: «И как она терпела эту гниду столько лет?»

А Дмитрий распалился и стал размахивать руками, разбрызгивая себе на одежду пивную пену:

– Сколько раз ей талдычил: «Будь с мужиками поласковой, поверти жопой, приголубь!» Богатых чуваков к нам знакомиться приводил – и все попусту! Мы могли бы как сыр в масле с икрой кататься, ее внешность – это ж золотые горы и жемчужные берега, а эта ослица уперлась, словно целка. Тоже мне, телка нашлась нецелованная. Принцесса! Можно подумать, от нее убудет!

– Спасибо за информацию, – холодно сообщил Максим и встал из-за стола, стараясь побороть брезгливость к альфонсу.

Уже на пороге босса догнал Дмитрий и, вцепившись в рукав, заискивающе спросил:

– Где она? Я могу с ней встретиться?

– Зачем?

– Ну, мне без нее плохо, я по этой дуре соскучился, хавчик из магазина и шаверма тоже прилично приелись, да и услуги приходящей б... уборщицы обходятся дороговато... И найти свою бабу не могу: как сквозь землю провалилась, – поведал собеседник, глядя несчастными глазами.

– Я ее спрошу, и если Эля захочет, то свяжется с вами, – отрезал Максим.

Отцепив руку Дмитрия от своей, он медленно направился к машине, испытывая одновременно несколько чувств – гадливость, удивление и недоумение.

Не зная об этом разговоре, мне тяжело было понять, чем вызвано такое пристальное внимание к моей скромной персоне. Я решила прекратить этот тяжелый для меня разговор, сказав:

– Если у вас ко мне больше вопросов нет, я могу идти спать?

– Да, конечно, – задумчиво ответил Максим Александрович.

– Тогда спокойной ночи!

На следующее утро старик, выполняющий обязанности лекаря, зашел опять и был поражен скоростью заживления ран на моих лодыжках. Покачив головой, он сменил повязки и покинул шатер, бормоча что-то себе под нос. После скудного завтрака, состоявшего из фиников, сухой лепешки и воды, нас снова замотали в ткань и, посадив в повозку, приковали. Следуя приказу рабовладельца, меня и Алейду приковали рядом, и она смогла продолжать обучение языку. Достаточно скоро я уже могла понимать простейшие приказания, такие как: сидеть, стоять, есть, идти... ну и так далее. Мучаясь потерей памяти, тем не менее я прекрасно усваивала новый язык, и учеба шла полным ходом.

Дни были похожи один на другой как две капли воды. Не происходило ничего нового: мы ехали днем и останавливались ночью. Наша троица тщательно изолировалась от остальных невольниц, и охрана к нам тоже не приближалась без особой на то необходимости.

На пятый день путешествия мне стало плохо: тело охватила жуткая слабость, голова кружилась, и я практически теряла сознание. Алейда, увидев мое состояние, сначала умоляла меня держаться и прийти в себя, боясь, что больную рабыню убьют или попросту оставят в пустыне, но мне становилось все хуже и хуже, и тогда она закричала, прося о помощи. Подъехавший охранник оценил обстановку и поскакал докладывать хозяину.

Вскоре караван остановился, и рядом со мной появился лекарь, который, осмотрев меня, развел руками, не найдя никаких признаков заболевания и расписываясь в собственном бессилии. Вокруг меня столпилось трое или четверо мужчин. Они возбужденно переговаривались между собой, решая мою судьбу.

Внезапно я почувствовала облегчение. Как будто кто-то влил в меня по капле струйку энергии и жизнь вернулась. Не дожидаясь решения мужчин, я привстала, уверенно села на повозке и на ломаном языке сообщила:

– Я хорошо.

Они замерли и уставились на меня с изумлением. Это было понятно: практически умирающая женщина вдруг приходит в себя как ни в чем не бывало. Лекарь еще раз осмотрел меня и снова развел руками, на этот раз показывая, что его услуги здесь не понадобятся.

– Кто ты? – Подошедший ко мне хозяин приподнял мой подбородок рукоятью плети и заглянул в глаза.

– Я не знаю, – призналась честно.

Глава 4

*Внешность – это фасад. Меня больше волнует внутренняя
отделка.
Эля*

Раннее утро встретило прохладой из неплотно прикрытой форточки. Вылезать из-под одеяла категорически не хотелось. Но, грустно вздохнув и мимолетно подумав о тяжелой женской доле, я бодро вскочила с кровати и помаршировала в душ. Умывшись и приведя себя в порядок, я отправилась к плите и поразила воображение и желудок Максима Александровича омлетом с креветками по-испански, неострым салатом и нежно хрустящими круассанами к свежесваренному кофе.

Проводив до ворот гаража работодателя, стремящегося на ратный подвиг (то бишь в городской офис), я занялась рутинными делами, целый день летая по дому наподобие электровеника. И настолько заработалась, что не услышала вечером стука входной двери.

– У тебя красивые ноги, Эля... – Голос Максима заставил меня подпрыгнуть от испуга и сделать в воздухе практически немыслимый кульбит, поправляя и одергивая подол.

– Извините, Максим Александрович, такого больше не повторится, – жалко пролепетала я, стараясь не пересекаться с ним взглядом.

– Ну почему же, – весело отозвался он. – На тебя было очень приятно смотреть. – Максим помолчал и добавил: – Эля! удовлетвори, пожалуйста, мое любопытство...

– Да? – прошептала я, внутренне настраиваясь на худшее. И дождалась...

– Пожалуйста, сними очки, – попросил Максим. – Всего на минуту.

– Зачем это вам? – попробовала оказать некоторое сопротивление, тоскливо осознавая, что уж если у мужчины в голове завьюжило, то ничем не выбьешь.

– Просто удивительно! Ты работаешь у меня уже больше месяца, а я до сих пор толком не видел твоего лица, – спокойно объяснил энцефалитный клещ в лощеной упаковке. – Прямо невидимка какая-то!

– Видели! – не собиралась я сдаваться ему без боя. – На фотографии в паспорте.

– И ты действительно считаешь, что там можно кого-то рассмотреть? – засмеялся бизнесмен, не унимаясь и не отступая с выбранного пути.

До меня окольными путями дошла незамысловатая истина: я попала! Очень сильно влипла. Скорее всего, после тщательного осмотра у меня опять начнутся серьезные проблемы. Но отступать было некуда. Видимо, я настолько расслабилась в атмосфере гостеприимного дома, что забыла про элементарную осторожность. Дура набитая, кто ж спорит: мне нельзя расслабляться.

Быстро прокрутив в мозгу обстоятельства и не найдя выхода из создавшейся ситуации, с видом идущей на казнь я медленно стянула очки и застыла, не поднимая глаз. Паника рвала меня изнутри когтями, выла дурным голосом, толкая на отчаянно-безумные действия.

– О боже! – выдохнул мужчина, разглядывая мое лицо.

Я просто физически ощущала его восхищенный взгляд и мысленно ежилась, холодея от собственных предположений.

Но продолжения с его стороны, как ни странно, не последовало... Вернее, оно последовало, но абсолютно непредсказуемое.

– Спасибо, Эля, – тихо сказал Максим Александрович и начал разворачиваться, чтобы уйти.

В удивлении кое-как нацепив очки на нос дрожащими пальцами, я потрясенно его спросила:

– И это все? Вопрос снят?

– А что ты еще ожидала? – спокойно откликнулся мужчина, не оборачиваясь.

– Не знаю, – честно ответила я, судорожно стискивая руки в замок.

– Тогда зачем спрашиваешь? – полуобернулся он.

Закаменевшее лицо ничего не выражало, зато вся его поза, глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, сжатые кулаки – излучали с трудом подавляемый гнев. Вскоре он все же выплеснул его, но совершенно странным образом. Невесело усмехаясь, Максим добавил:

– Я не набрасываюсь на женщин, знаешь ли... даже на таких красивых, как ты, – и ушел.

Я стояла в ошеломлении, не зная, то ли мне смеяться, то ли плакать... Поторчав еще немного посреди комнаты и поизображав из себя три тополя на Плющихе, я все же прислушалась к вибрирующему организму и плюхнулась на задницу, где стояла. Ноги отказали напрочь, скооперировавшись для такого случая с головой.

Усевшись на полу в позе лотоса и наплевав на условности, я решила, что хуже не будет и лимит неприятностей на сегодня исчерпан. Голова гудела, будто огромный Царь-колокол. Сердце внутри колотилось о ребра, словно собираясь позорно сбежать от хозяйки. Даже не заглядывая в зеркало, я была уверена, что форма зрачков изменилась. Пальцы на руках и ногах похолодели, их скрючило.

Все плохо.

Медитация! Мне до зарезу требовалась медитация! Благо время позднее; для таких, как я, – самое благоприятное. Раскинув руки в стороны и соединив большой и указательный пальцы, я принялась выводить сознание на иные планы бытия... Нити окружающей меня реальности со звоном натянулись, вибрируя предупреждением для остальных обитателей этого плана. Они поранили эфир несколько раз невыносимыми нотами резонанса и... затихли. Надо полагать, смирились. Или решили, что я безвредна для окружающих.

«Динь-дон, ди-инь-донн!» – резонировали мои камешки.

Танцующие искры-капельки надежды падали на мою макушку, пропитывали стаю мелких светлячков, составляющих мое тело, озаряли пылающее сердце.

Кап. Капп. Ка-апп...

Тяжелыми маслянистыми каплями стекали вниз страх и злоба, ярость и отчаяние, выгорая или переходя в более привычную энергетическую форму. Поначалу во время моего очищения вокруг крутилась стая мелких пиявок-паразитов. Но мое присутствие, видимо, по мере проявления моей истинной сущности их напугало. Стайкой бело-серебристых рыбешек ушли они с прикормленного места, уплывая искать счастья в других домах, где обитатели слепы, тихи и серо-нейтральны. Ну их. Пускай...

Мне удалось достигнуть определенного состояния холодной уверенности, глубокого сосредоточения и спокойствия... Я воссияла парящим радужным облачком, насыщаясь до отвала. Блаженство!

И лишь я успела частично напиться витающей в комнате дармовой энергией и заодно напиться проголодавшиеся камешки, как хлопнула дверь. Встревоженный Максим поинтересовался, нависнув надо мной и мешая получить заслуженный кайф:

– С вами... с тобой все нормально?

– Не совсем, – обтекаемо выкрутилась я, лихорадочно соображая, прикрыты у меня коленки или вновь свечу привлекательными частями тела.

– «Не совсем» – это на какую половину? – попытался неуклюже пошутить работодатель.

– На лево-правую! – ответила я в тон. Подумала и пояснила: – Вы вторгаетесь в мое личное пространство, а у меня комплекс. – (Он удивленно выслушал, наклонив голову.) – Я болею от этого!

– А есть какое-то заболевание, которым ты не страдаешь? – язвительно поинтересовался Максим, на всякий случай отодвигаясь.

Распахнув глаза и глядя на него сквозь очки кристально честным взглядом, которого он не видел, я любезно сообщила:

– Конечно! Воспаление простаты мне точно не грозит, потому что у меня ее нет!

– Уверена? – саркастически осведомился он.

– Даже не знаю... – протянула задумчиво. – При последней медицинской проверке не было, но кто его знает – может, уже выросла на мое счастье?..

– Почему «на счастье»? – Максим Александрович впал в прострацию.

– Потому что тогда я смогу претендовать на Нобелевскую премию, – пустилась домработница в разъяснения. – А пока точно в этом не уверена, то пойду-ка разогревать ужин.

Легко поднявшись с пола, отправилась на кухню. Вскоре ко мне присоединился Максим. Он вел себя, как всегда, предельно корректно. Ужин прошел гладко (если не считать оценивающих взглядов мужчины) и в полном молчании.

Перебив посуду и поставив мясо на разморозку, я уточнила завтрашнее меню и потопала спать, культурно пожелав Максиму Александровичу спокойной ночи.

Глава 5

Случайные встречи могут перерасти в постоянные связи!
Амариллис

Через несколько дней наш караван прибыл на невольничий рынок, расположенный в одном из самых крупных городов – Ланкуре.

Ланкур стоял на перекрестке всех торговых путей и соперничал своими размерами и богатством со столицей – Изумдом. Каждый уважающий себя богач или аристократ (и то и другое часто совмещалось) стремился иметь дом в Ланкуре.

К этому располагал и самый большой на всю страну невольничий рынок, где продавались рабы и рабыни всех возрастов и цветов кожи.

Эти сведения с придыханием сообщила мне Алейда, пока я одним глазом из-под чадры рассматривала проплывающие мимо улицы.

Стоило заметить, что, во-первых, овладение местным языком шло семимильными шагами, и я уже довольно бойко чирикала на их диалекте. Только вот тем для бесед находилось немного.

Во-вторых, мне начали сниться странные сны, которых я до конца так и не понимала. Кто-то кого-то куда-то звал. Влек, манил и подталкивал...

И во сне я часто видела привлекательную девушку. Она говорила мне что-то – я не слышала, что, лишь видела, как шевелились ее губы, – и протягивала мне горсть камней, разноцветную морскую гальку. Последний камень, красивое граненое яйцо, отбрасывающее яркие блики, она подкидывала в небо, но не ловила.

Утром я просыпалась свежая, как чистая питьевая вода, которой мы уже не видели неделю. Вместо нее нам выдавали некую жидкость, пахнущую затхлостью. Туда кто-то заботливый, видимо, чтобы мы в дороге не поумирали от кровавого поноса, щедро выдавил лимонов. И эта гадость была еще и с кисловатым привкусом. Лимонад по-бедуински, так сказать...

Отвлеклась. Несмотря на трудности, я открывала глаза с энтузиазмом, бурля энергией, зато охрана страдала на всю голову, словно день и ночь пила хмельное. Такое ощущение, что голова была одна на всех и они ее носили по очереди.

В-третьих, караванщики начали меня сильно недолюбливать. Охранники – те вообще смотрели с отвращением на мою бодрость и энергию. А поскольку я считалась достаточно ценным товаром, то они срывались на менее ценном, и вторая категория женщин объединилась в своей нелюбви с охраной.

– Ты как? – толкнула меня в бок Алейда. – Интересно?

– Да, – коротко кивнула я, позванивая наручными кандалами.

Кто-то манкировал своими обязанностями по охране и надеялся на железо. Зря. Вся эта тяжесть крепилась к деревянной телеге. Я уже давно поняла, что для меня это не преграда, но старалась не провоцировать таких сладких мужчин с острой добавкой из кнутов.

Перед тем как мы въехали-вошли в город, нас всех умотали с ног до головы в тряпки. Мне досталось больше всех как самой драгоценной. Это мне Алейда по дружбе пояснила:

– Прикрывают – значит ценят.

– Не похоже, – пробурчала я из-под слоев вонючей от пота ткани, которая пережила уже не одну рабыню, но не дожидая ни до одной стирки. – Похоже, меня просто решили уморить.

– Если бы решили, – девушка показала бровями на следующую телегу, битком набитую менее ценным товаром, и дальше на вереницу плетущихся пешком девушек, – отдали бы к ним. А так охраняют.

– Еще неизвестно, кого от кого, – еще тише сказала я, отфыркиваясь и пытаюсь дышать через раз.

Сейчас стало еще хуже. Припекало полуденное солнце. Вокруг летали назойливые насекомые, нороящие напиться моей крови, которую я, кстати, никому не жертвовала даже из сострадания.

К слову говоря, мне, как выяснилось, вообще были неведомы обычные эмоции или чувства. Все, что я ощущала, – голод, жажду и одуряющую усталость. Эмоциональная сторона для меня оставалась загадкой за семью печатями. Там, где другие боялись, истерили, злились, ненавидели или плакали, я молча глазела.

– У меня чешется ухо, – сказала я Алейде. – И эта подарочная оболочка мешает мне рассматривать местные достопримечательности!

– Потерпи, – пожалела меня подруга. – Скоро приедем. Все равно никак не поправишь.

Это было тонко подмечено. Эти идиоты приковали наши руки к краю телеги, но стянули за спиной.

Я пыталась как-то повозиться, потереться лицом о плечо, но сделала еще хуже, чем было. Обзор закрылся окончательно.

– Надоело! – решительно заявила я и начала действовать в своих интересах.

Я оперлась сзади на руки, выпростала из необъятного платья ногу, спокойно загнула ее и поправила на лице занавеску, попутно почесав ухо и нос.

Наступила гробовая тишина.

– Бесстыдница! – с поднятым кнутом ко мне ломанулся один из охраны. – Как ты могла обнажить то, что предназначено для покупателей?!

– А какая разница? – хладнокровно спросила я. – Все равно показывать. Так пусть будет раньше, вместо тренировки.

– Блудница! – заорал второй, поправляя немного вздувшиеся спереди штаны.

– Полезное качество, – не стала отрицать я. – Мне уже рассказали в подробностях, что меня ждет. Я приняла к сведению и заранее практикуюсь.

– Охальница! – подлетел самый старый из охраны и все-таки занес надо мной кнут.

Я молча смотрела на опускающееся орудие наказания, не отводя взгляда и не шевелясь.

– Стой! – Кнутовище перехватила сильная смуглая рука.

Я перевела взгляд и встретилась с глазами цвета грозового неба на загорелом лице.

– Интересно... – сказал мужчина, внимательно меня рассматривая.

Что он мог увидеть подо всем этим вонючим великолепием, я откровенно не понимала. Пользуясь моментом, тоже изучала своего неожиданного спасителя.

Породистое лицо с правильными чертами. Черные брови вразлет над чуть поднятыми к вискам глазами. Нос с горбинкой. Две симметричные продольные складки на скулах подчеркивали полноту губ. Упрямый подбородок с чуть заметной ямочкой. Волосы скрыты под белым тюрбаном. Головной убор без украшений, но из очень дорогой ткани.

– Нравится? – чуть искривились в усмешке притягивающие меня губы.

– Неплохо, – раздула я ноздри, вбирая свежий запах незнакомца и постепенно скользя взглядом вниз от шеи.

Мой спаситель отличался достаточно высоким ростом по сравнению с остальными участниками. Так же, как выделялся более дорогой одеждой и гордой осанкой.

Белая безрукавка, стянутая на тонкой талии золотистым шелковым поясом, открывала верхнюю часть безволосой мускулистой груди. Белоснежные шелковые шаровары не стесняли движений, но и не оставляли простора воображению и были заправлены в мягкие сапожки кремового цвета.

На бицепсе левой руки широкий браслет из листового золота с причудливой вязью, перекликающийся с точно таким же украшением на правом запястье. Только камни в центре украшений разные – в одном крупный рубин, в другом – сапфир таких же размеров.

– Я хочу ее, – обратился мужчина к подоспевшему начальнику каравана. – Сколько?

– Господин Агилар, – заюлил толстяк в расшитом золотом халате. – Это невозможно...

– Это ты говоришь МНЕ? – сдвинул брови мужчина, отпуская мой подбородок и поворачиваясь к наглецу. – Ты смеешь мне отказывать?

– Господин Агилар... – Начальник каравана попытался упасть на колени и поцеловать землю у ног мужчины. Я брезгливо поморщилась – мало мы пыли в дороге съели, нужно было еще добавить? – Я послал с гонцом уведомление о девушке господину Зайдану. Он будет участвовать в торгах.

– Ты поторопился, – бросил сквозь зубы Агилар. – Если продашь рабыню ему, то станешь моим личным врагом.

Пока мужчины решали свои мировые проблемы, у меня возникла своя, куда более насущная. Ко мне прицепился большой овод, видимо привлеченный запахом пота и давно не мытого тела. Я попыталась испепелить насекомое взглядом. Не удалось. Подергалась в цепях. Не сработало. Подула со всей силы. Сил оказалось недостаточно.

Назойливое насекомое упорно старалось приземлиться на мое лицо и что-то отрыть под слоем пыли. Я честно попыталась привлечь к себе внимание охраны кроткими словами:

– Кто-то может прибить эту гадость?

На что мне рявкнули:

– Молчи, женщина! – продолжая наблюдать за трясущимся от страха начальником каравана и испытывая от этого прямо-таки неземное блаженство.

Скорее всего, этот толстяк уже у всех застрял в печенках со своими противоречивыми требованиями и приказами.

До меня с опозданием дошло, что спасти себя мне придется самой. На отработку тактики было потрачено три минуты, в течение которых овод восемнадцать раз заходил на посадку, стремясь поближе со мной познакомиться. Остальные оводы меня избегали, но этот попался особенный и так и норовил цапнуть и вволю попить моей крови.

В конечном счете я плюнула на стратегию и рванула руки, выдирая крепезное кольцо кандалов. Не обращая внимания на округлившиеся глаза и отпавшие челюсти присутствующих, просунула под собой скованные руки, сквозь зубы вспоминая бабушку того ишака, который придумал широкие балахоны. Наконец мои конечности оказались спереди, и я была готова к бою. Но овод не стал меня дожидаться, его спугнула моя активность, и он улетел доставать других двуногих и четвероногих.

– Шайтан! – обиделась я и долбанула куском болтавшейся цепи по краю телеги, вымещая свою неудовлетворенность жизнью.

– Любопытно, – спокойно заметил Агилар, которому зачем-то притащили кривую саблю. На оводов теперь ходят только с таким оружием?

– Да как ты смеешь, рабыня! – полез на меня один из самых молодых охранников. – Давно кнута не получала?

– Ой, да ладно! Охолонь, – отмахнулась я, сметая обрывком цепи ретивого служаку. – У нас уже отдых? – воззрилась я на лежащего.

К заинтересованному Агилару подскочила троица... агиларчиков, которые мужественно загородили его телами. Очень, надо сказать, странно прикрыли. Голова мужчины возвышалась над ними, словно купол храма над одноэтажными домиками.

Или это не основной спасаемый орган, судя по рассказам невольниц?

– Эта телега старая, – выступил более старший по возрасту охранник. – Прогнила.

– Еще как, – немедленно согласилась я и оторвала перекладину. – Вот тому доказательство.

– Ой! – пискнула молчавшая до этого Алейда. – Сейчас что-то будет!

– Попить дадут? – обрадовалась я под изучающим взглядом Агилара, усаживаясь рядом с Алейдой.

– Колодезной водой не напоить голодную утробу. Вино прохладное хоть рай сулит, но не угодно Богу¹.

В противовес этим словам из-за плеча мне сунули глиняный кувшин, наполненный сладкой талой водой ледников с небольшой добавкой розового вина. Я радостно, захлебываясь от жадности, отпила несколько глотков.

Чтение рубаи продолжалось, словно у кого-то внезапно прохудился мешок с рифмованными строчками:

Без сладкой влаги нам и жизнь не в жизнь,

Без танцев дев игривых и улыбок как ее прожить?

Но если все отнять лишь ради благочестья,

То лучше во грехе ее прожить!

Попутно мне со словами:

– Это тебе для радости, – пихнули в ладонь на первый взгляд самый обычный небольшой мешочек, полный радужно переливающихся стеклянных шариков, и я откуда-то интуитивно поняла, что эта вещь для меня безумно важна.

Быстро засунула это сокровище за пазуху и подняла глаза.

– Ищи девять камней, но получишь девять с половиной – в них твое спасение, – продолжил нагнетать туман таинственный голос.

– Спасибо! – поблагодарила я, удерживая посуду и снова приныкая к волшебной влаге.

Напившись сама, напоила Алейду, так и сидевшую с округлившимися глазами. Мужчины по-прежнему ожесточенно спорили насчет покупки, так что у нас оставалось время на маленькую передышку.

– Дыши, – толкнула ее в бок. – А то воздух сам выход найдет, а тут и так воняет.

– Любопытно, – все так же задумчиво изучал меня Агилар, не предпринимая никаких действий в моем направлении.

– Вот, – поправила я сбившуюся материю на голове. – Я ваш язык выучила за три недели, и то больше слов знаю.

– Молчи, презренная! – заорал на меня начальник каравана, снова падая ниц. Совсем не грозно: – А то выпорю.

– Вам бы похудеть, уважаемый, – глубокомысленно сообщила я ему, отлично зная, что хозяин все равно накажет, стану я молчать или нет. Так пусть хоть будет за что, не так обидно. – А то у вас руки и ноги до земли достают с трудом.

– Лысая верблюдица! Порождение ишака и гиены! Дочь шакала! – завопил оскорбленный толстяк.

– Это не доказано! – невозмутимо ответила я, делая последний глоток и выливая остаток на начальника. – Это чтоб вам плохо не было. Такая краснота...

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, использованы стихи авторов по мотивам произведений Омара Хайяма.

– Кто дал ей воды?! – завизжал толстяк, подскакивая. – Запорю!

– Я. – Из-за телеги выехал на маленьком лопоухом сером ослике сморщенный, усохший до невозможности старичок с редкой бородкой. Замотанное в рваный полосатый халат тощее тело мерно колыхалось в такт шагам ослика. Сползающая на морщинистый загорелый лоб засаленная чалма не скрывала прищуренные, искрящиеся весельем глаза.

– Кто ты такой, мерзкий ишак, сын шакала? – бушевал, брызгая слюной, толстяк. – Я прикажу тебя забить насмерть!

– Мы с вами родственники? – хладнокровно осведомилась я, отгоняя цепью охрану от старичка. Те решили не дожидаться приказа и действовать на свой страх и риск. – Отпрыски шакала... Надеюсь, разного помета?

– Разного полета, – согласился старичок, огорченно покачивая чалмой и грозя скрюченным пальцем начальнику каравана. – Свинья пятак свой хоть и к небу тянет, ну а сама в грязи всегда лежит.

– Хотя бы какая-то информация, – не стала я спорить, подхватывая оторванную ранее палку и грозя особо энергичным охранникам. – Теперь я точно в курсе, с кем я не состою в родственных отношениях. А то ведь ничего не помню.

– Совсем ничего? – вмешался Агилар, отстраняя живой щит до пупка. – Как такое может быть?

– Молча, – фыркнула я, отталкивая Манаса, самого противного из охраны. Так и норovil, гад, пробраться исподтишка и сделать какую-то гнусную пакость. Сковать нам руки за спиной было его гениальной идеей! Вот пусть и пожинает свои гениальные планы палкой в лоб.

– Все ответы в тебе, – уверенно заявил старичок, покачиваясь на ослике из стороны в сторону и прикрывая глаза.

– Мы нашли ее голую в пустыне, мой господин, – подобострастно поведал начальник каравана. – Она пришла в себя только на второй день, ничего не помнила и не знала ни слова нашего языка.

– И тут кто-то решил заработать, – подвела я итог, наматывая цепь на кулак. – Нажиться на человеческом горе.

– Ты делаешь поспешные выводы, красавица, – очнулся старик.

Только я открыла рот, чтобы спросить, как он снова впал в дрему.

– А куда тебя еще? – резонно спросил начальник каравана, не переставая кланяться Агилару.

– Вариантов больше нет? – на всякий случай поинтересовалась я, бдительно охраняя полуденный сон пожилого человека.

Если овод улетел, то его всегда можно заменить другими прилипчивыми... мужчинами.

– Женщина может быть или женой, или рабыней! – поучительно сказал начальник каравана, и все согласно закивали головами.

– Еще вдовой, – поучительно добавил старик, выныривая из дремы.

Этого они не учли и полезли защищать свое мнение. Скопом. Почему-то статус «будущая вдова» никого не устроил.

Старик посмотрел на пыhtящих красных мужиков, стремящихся на пальцах кулаков доказать ему, как он не прав, усмехнулся и произнес:

Умрем когда-то мы – Вселенной все равно.

Быльем все порастет – Вселенной все равно.

Исчезнет даже след наш бытия, а мир стоит, как прежде.

Все, что ни сделай, – ты пред Господом ничто!

После чего растаял в воздухе со словами:

– Да пребудет с тобой благодать, девушка с глазами цвета амариллиса и душой, бродящей во тьме! Я буду рядом, чтобы помочь тебе выйти к свету...

– Веселый Дервиш! – в ужасе закричали мужчины, странно бледнея и становясь меньше ростом. – Ее благословил сам Веселый Дервиш! Она проклята и благословенна!

– Очень обширные сведения, – пробурчала я, укладывая на коленях палку. – Так много информации, что не знаю, куда ее складывать.

– Господин Агилар, – подобострастно кланяясь, подполз к мужчине начальник каравана и поцеловал туфлю. – Вы еще хотите купить эту рабыню? Я дешево продам.

– Я не меняю своих решений, – прищурился красавчик. – Доставь ее ко мне во дворец через пару часов и там получишь расчет.

– Благодарю вас, господин Агилар, – опять низко закланялся толстяк. – Все будет исполнено в лучшем виде!

– Не перетрудишься, – прошипела я, дергая кандалы.

Почему-то накатило чувство удовлетворения, которое мне совсем не нравилось. Я предпочитала быть злой и голодной. Так легче отбиваться от подарков судьбы.

– Увидимся вечером, девушка с глазами цвета амариллиса, – блеснул белоснежными зубами Агилар, едва кивнув толстяку. Пообещал: – Тебе понравится быть моей рабыней.

После чего развернулся и пошел размашистым шагом к белоснежному скакуну, которого придерживал за уздечку слуга в бурнусе цвета охры.

– Посмотрим, – пожала я плечами. – Что именно мне понравится.

– Заткнись уже, дочь греха, – беззлобно твякнул на меня толстяк, потирая пухлые ладошки. – Когда ты молчала, то ценилась гораздо дороже.

– Зато было гораздо скучнее, – парировала я, давая обмотать себя дополнительными цепями и пристегнуть к телеге.

– Не знаю, то ли радоваться за тебя, – прошептала Алейда, – то ли огорчаться...

– Главное, не завидуй! – посоветовала я, прикрывая глаза, начинавшие слезиться от яркого солнечного света. – Остальное – как Творец решит...

Глава 6

Сделайте мир лучше! Оставьте его в покое!

Эля

Следующие несколько дней прошли в обычном режиме, если не считать чересчур задумчивых взглядов, бросаемых на меня Максимом Александровичем. Я делала вид, что, как те обезьяны, «ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». Помогало мало. Работодатель никак не хотел уловить мои мысленные послы и категорически не связывал меня с данными приматами.

Проблемы начались в пятницу вечером, когда Максим Александрович торжественно постучался ко мне в комнату со словами:

– Прости за беспокойство, Эля, но не могла бы ты мне сделать крупное одолжение?..

...!...!...! ТАК И ЗНАЛА! ПРЯМО КОПЧИКОМ ЧУВСТВОВАЛА!

Я внутренне поежилась, отбросила мелькнувшую идею сделать вид, что уже сплю, и неохотно пошла открывать.

– Да? – высунула нос в щелку. – Вам что-то нужно погладить? Или приготовить?

– Мне нужно, – он попытался открыть мою дверь шире, но я стояла насмерть, – чтобы ты сопровождала меня завтра на прием.

– За что?! – икнула я, сползая по косяку. Ноги отказались меня держать и оставили на произвол судьбы. – Что я вам плохого сделала? Почему вы меня так ненавидите? За какие грехи наказываете? Борщ вчера был невкусный? Или стейк под лимонным соусом пересолила?

– Эля! – возмутился Максим Александрович, просачиваясь вовнутрь и поднимая меня с пола, чтобы не споткнуться. Усадил на стул и присел рядом на корточки. – Почему ты считаешь, что выход в свет – это наказание?

В черной, обтягивающей внушительные мускулы футболке и черных джинсах, с влажными после душа волосами он выглядел воплощением греха. В этом мужчине все было в меру. Ничего вульгарного или пошлого. Его сексуальность била наповал, складывая у его ног штабеля из женских сердец. Что, впрочем, я постоянно и наблюдала за время моей работы.

Глядя в его темно-серые выразительные глаза, было так легко поверить, что именно ты – та единственная, которую он искал всю жизнь и с которой готов провести... сегодняшнюю ночь.

Да мои иллюзии остались так далеко позади, что я даже не смогла бы их найти. Слишком часто мне приходилось залечивать свой лоб от пресловутых граблей. Теперь я старательно обходила этот инструмент, предпочитая не связываться с источником опасности.

Хотя... кто бы говорил! И мое прошлое увлечение тому порукой. Подумать только! Ленивый, обрюзгший от пивного алкоголизма увалень, которого я считала ужасно скучным и в трезвом состоянии – относительно безопасным, вдруг решил показать характер и ушел, оставив меня в отчаянном положении на бобах. И не только в смысле денег.

– Потому что для меня это наказание, – призналась я. – Мне не нравится шумное общество. Я не умею себя вести в нем, – загибала я пальцы. – Я там никого не знаю. У меня нет вечернего платья, если только вот это не сойдет, – показала я на свой балахон. – И я понятия не имею, как правильно пользоваться косметикой.

Сказать, что я солгала только наполовину, – еще раз покривить душой. Про такое говорят: «Брешет как сивый мерин!» Хотя не думаю, что лошади способны врать... Я не обманула лишь в одном – вечернего платья у меня действительно не было.

– Все решается, – оптимистично заметил Максим Александрович. – Будет не очень шумно и не слишкомлюдно. Как новичку тебе простят многое. Тому же поспособствует твоя внешность, Эля.

– Так вот почему... – начала я фразу.

Но мужчина легонько накрыл мне губы горячей ладонью, призывая к молчанию:

– Дай мне закончить, Эля. Ты знаешь меня – этого достаточно. Захочешь – познакомишься с остальными, твое право. Платье мы тебе купим. А косметика тебе особо не нужна.

– И все же, – отодвинула я его ладонь. – Я не понимаю – почему я? У вас столько знакомых дам...

– Но ни одна из них не может сопровождать меня завтра вечером, – убедительно пояснил Максим Александрович, легко вставая и прислоняясь к косяку. – А я, к сожалению, не могу появиться там без спутницы. Протокол обязывает, знаешь ли.

– Да лучше без спутницы, – глухо пробормотала я. – Чем с такой, как я.

– Это уж мне решать, Эля, – категорично заявил Максим Александрович. – Мне очень нужно переговорить с одним человеком, чтобы чуть позднее заключить выгодный контракт. Иначе...

– Иначе? – заранее почувствовала я угрозу своему мнимому благополучию.

– Иначе я вряд ли смогу позволить себе и дальше оплачивать экономку, – с абсолютно честными глазами сообщил мне работодатель.

Да уж. Глаза-то у него были честные, но вот широкая довольная улыбка так и лезла на лицо! Манипулятор чертов! Я тоже читала Карнеги! И с НЛП знакома не понаслышке. И...

– Это грязный и грубый шантаж, – прошептала я, понимая, что попала в мышеловку. – Вы сами не знаете, на что меня обрекаете и что со мной делаете...

Конечно, можно было фыркнуть, развернуться и уйти с гордо поднятой головой. И дырявым карманом... Тех денег, что у меня скопились, хватит на свободную жизнь и на съем жилья, конечно. На какое-то время. Даже если практически бомжевать. А потом, рано или поздно, я снова останусь голодная и босая, один на один с этим неуютным миром.

Вполне возможно, этот прием не причинит мне вреда. И ОН меня не найдет. Ведь не ходит же этот проклятый колдун, в самом деле, на все приемы во всех концах света! Или это я просто себя так успокаиваю?

– Не стану отрицать, – виновато-иронически улыбаясь, кивнул мне хитрый Максим Александрович. Гад! Стоит и чуть ли не потирает руки! – Пусть шантаж, но зато откровенный. Мне нужна твоя помощь. И я ее получу! – Глаза цвета грозового неба сверкнули предвкушением.

– Но я... – замялась, не зная, как высказать свои условия.

– Не переживай, – хмыкнул мужчина, складывая руки на груди. – Говоря о твоей внешности, я не собираюсь ни пользоваться твоим телом сам, ни подкладывать под нужных людей. Я мужчина, но не подонок.

– Извините, – сжала я руки, съезживаясь на стуле. – Но мне показалось...

– Если ты так обо мне думаешь, – посерьезнел Максим Александрович, – то почему бы мне не изнасиловать тебя прямо сейчас? Никто же не придет к тебе на помощь и не спасет, верно?

Вылезло мое внутреннее, тщательно скрываемое «я» и громко хмыкнуло, говоря, что оно бы не отказалось на это посмотреть, и главное – поглядеть на то, что после попытки меня изнасиловать от моего босса останется. Ага. А останется от мужика или фарш, или мумия. И неизвестно, что выглядит страшнее. Я за мумию.

Я прихлопнула злобное «я» метафизической тапкой и понуро согласилась:

– Если у меня нет другого выбора, то я пойду с вами на завтрашний прием. Но хочу вас еще раз предупредить – это плохая идея. Очень-очень плохая идея, можно сказать – скверная.

– Какая это идея, – с облегчением сказал работодатель, – я буду решать сам. Завтра с утра поедем по магазинам за всем необходимым. Будь готова к полудню. – И вышел, приотворив за собой дверь.

– Слушаю и повинуюсь, – зло пробурчала я, запирая замок и с обидой пиная ногой ножку кровати.

Утром, приготовив завтрак и помыв посуду, я переделала все намеченные дела и ровно в полдень вышла в холл, где меня ожидал Максим Александрович.

Его просто перекосило от моего маскировочного вида. Он даже отодвинулся.

– Эля, – осторожно сказал Максим Александрович, разглядывая мой пуховик, сделанный в непонятно какой стране, непонятно из чего и непонятно какого цвета. (Зато цена у него была достаточно понятной. Во всяком случае, лично мне, когда я его приобретала на вещевом рынке три года назад. И тогда она меня вполне устраивала.)

– Давно хочу тебя спросить: это у тебя вкус такой или бедность совсем одолела?..

– Это стиль жизни! – сердито ответила я, туже затягивая узел платка под подбородком. – Считайте, я последовательница минимализма и ярая приверженница хиппи. Дитя цветов. Ну, знаете таких... «Всё, что нужно, – это любовь!»; «Занимайтесь любовью, а не войной» и «Дайте миру шанс».

– Я думаю, хиппи бы жестоко оскорбились, – поморщился Максим Александрович, окидывая меня выразительным взглядом и шумно распахивая передо мной дверь.

Я сжала зубы, вцепилась в авоську из коззама и, храбро дрожа коленками, переступила порог.

Меня запихали в «лексус» и домчали до центра города, на главную улицу, где бутиков было, как мух около помойки.

Мы остановились около одного из них. Мой спутник заглушил мотор, вышел из машины, открыл дверцу и сказал:

– Выходи.

Я замотала головой, стискивая ручки своей потрепанной сумки.

– Выходи, я сказал! – повысил голос Максим Александрович и попытался вытащить меня наружу.

Машина сопровождения стояла поодаль, и мужики в ней ржали, как застоявшиеся жеребцы. То-то у охранников развлечение!

Угу. Меня внутрь магазина можно было доставить только вместе с хозяйским авто, мы с ним сроднились!

– Эля, – рявкнул Максим Александрович. – Это, в конце концов, смешно!

– Ха-ха! – уныло отозвалась я, но с места не двинулась.

Меня еще раз попытались выковырять из средства передвижения. И снова неудача. Я пришла в состояние: «Есть на Волге утес, он весь мохом порос»².

– Уволю! – в сердцах пригрозил мне работодатель, стараясь отдышаться и прийти в нормальное состояние. Сейчас он был как плотно закрученная скороварка без предохранительного клапана. Еще чуть-чуть – и крышку сорвет начисто!

Расстегнув черную кожаную куртку на натуральном меху, Максим явил миру свою идеальную фигуру. И, тяжело вздохнув, я все же вылезла из машины. Красота – страшная сила! Что поделаешь, я всего лишь слабая женщина. Не могу сопротивляться угрозам. Особенно таким великолепным.

² Песня «Есть на Волге утес», слова и музыка Александра Навроцкого.

– Ну слава богу! – возвел очи горé Максим и, схватив меня за руку, потащил в бутик, боясь, что я сейчас сорвусь с места и устрою спринтерский забег на выматывание противника. – Первый раз в жизни вижу женщину, которая сопротивляется обновкам.

– Тогда пользуйтесь моментом, босс, – прошипела я раздраженным аспидом. – И глядите внимательно – это я!

Внутри торгового заведения меня быстро, как эстафетную палочку, передали с рук на руки двум блондинистым выдрам в трехслойном макияже.

– Девочки, – приказал Максим Александрович. (Я тут же закрутила головой по сторонам, ища пресловутых девочек.) – Подберите этой милой девушке, – тут облезлые выдры уставились на меня, стараясь рассмотреть под пуховиком хотя бы видимость девушки, – что-то по фигуре и недешевое.

– Могу предложить полированный гроб с бронзовыми ручками, – тихо прошипела я ему на ухо. – По фигуре – и недешево.

– Это еще пока рано, – успокоил меня мужчина. – Успеется. Сначала все же начнем с платья...

Хорошо выдрессированные барышни профессионально обнажили заточенные на мужиков белоснежные зубы из лучшего фарфора, слаженно кивнули и поволокли меня в примерочную.

Я скорбно смирилась с жестокой и беспощадной своей судьбой и позволила себя раздеть до нижнего белья в стиле двадцатых годов. Угу. Позапрошлого столетия.

– Смотри-ка, – сообщила одна выдра другой, прищуриваясь. – А у Максима глаз – как алмаз. Такое сокровище под этим ватником чумазым разглядел!

– Пуховиком, – твердо поправила я, влезая в первое из предложенных платьев.

– Хрен редьки не слаще! – поведала мне вторая выдра, иронически морща недавно прооперированный аристократический носик и выпячивая силиконовую грудь. Вся остальная мимика у нее отсутствовала напрочь... Проклятые рудники, то есть ботокс, уничтожили нормальное выражение эмоций, оставив странную безжизненную маску, а татуированными губами и бровями эта выдра с коллегой походили на разнойцевых близнецов.

Ах так!

Я и пуховик обиделись крепко и навсегда! И вознамерились донести это до окружающих.

После восемнадцатого платья, которое тоже было «недостаточно дорогое и на него материала пожалели», выдры валялись на диванах и обмахивались каталогами.

– Что, больше ничего нет? – наивно осведомилась я, рассматривая кучу наваленных шмоток. – Это все? Какой-то убогонький у вас магазин, надо найти побогаче.

– А если?.. – вдруг одну из блондинок осенила мысль. Это так редко случалось, в пору событие вносить в Книгу Гиннесса. – Помнишь то платье, которое...

– Черное? – подкинулась вторая выдра. – С красными вставками?

– Ну да, – подорвалась первая, исчезая в недрах бутика.

Ну да, буду теперь как гроб повапленный. А впрочем...

Через пятнадцать минут мой выбор был сделан.

Максим Александрович расплатился, кивнул полинялым выдрам в ботоксе и двухслойном макияже и потащил меня в обувной бутик.

Там мы управились достаточно быстро. И меня обманом заманили в магазин нижнего белья. Этого я шефу просто не могла простить. Это все равно как диабетика подогнать КамАЗ с шоколадом. Вроде как: «Обожрись и сдохни!»

Я внимательно посмотрела на разглядывающего кружевные вещички Максима Александровича и осторожно поинтересовалась:

– Вы уверены, что хотите мне здесь что-то купить? Точно?

– Конечно, – кивнул он, медленно отводя взгляд от кружевных мини-трусиков, словно под гипнозом. – Все, что хочешь.

Попался, который кусался! Я злорадно хмыкнула и пошла складывать все, что давно мечтала купить, но обычно не могла себе позволить.

Когда Максим Александрович увидел счет, то его глаза вылезли из орбит ровно на такую же длину.

– Дорого? – заботливо переспросила я, внутренне хихикая. С фальшивым сочувствием: – Может, что-то из этого оставить?

– Нет, – прошипел он сквозь зубы, протягивая карточку. – Но меня так и подмывает посмотреть все это на тебе!

– Об этом уговора не было, – отрезала я, нежно поглаживая пакет. – Если вы будете на этом настаивать, то лучше сразу все верните.

– Пошли, – подхватил и меня, и пакет Максим, вытаскивая из магазина, пока я еще что-нибудь там не купила. (Охрана по-прежнему следовала за нами на определенном расстоянии и тихо развлекалась за наш счет. Вот свезло ребятам!) – Нам нужно вернуться домой. Через час придут стилист и мастер маникюра.

– А это зачем? – нахмурилась я.

– Затем, что я хочу быть уверен, что ты будешь выглядеть как женщина из высшего общества, – пояснил мне коварный мужчина, усаживаясь за руль. – А не как чучело огородное. Твой вкус я уже видел и рисковать не хочу.

– Это не риск, – прошептала я, отворачиваясь. Уронила в стекло, скорее для себя, чем для упертого идиота: – Риск будет, когда я все это надену и меня увидят. – Тяжко вздохнула: – Но кому я это говорю?..

Глава 7

*Знаете, как важно оставить о себе хорошее мнение?
Внимательно выбирайте место, где вы его оставите!*

Амариллис

Под неусыпным надзором всех, буквально всех охранников меня сначала сопровождали в караван-сарай, где оставили всех невольниц, включая Алейду.

Поскольку руки нам так и не расковали, то порыдаться друг у друга на груди у нас не получилось. Девушка полила меня горячими слезами на расстоянии, пожелала мне счастья и посоветовала не рыпаться и не брыкаться, а также избегать лишних телодвижений. Я честно пообещала прислушаться к ее советам и по возможности претворить их в жизнь, после чего подарила ей на прощанье для поднятия настроения стеклянный шарик. На том и расстались.

После чего меня в окружении дружной и радостной толпы притащили во дворец Агилара. Впереди на лихом коне, прогибающемся от тяжести туши, скакал начальник каравана, пытаюсь постоянно выскользнуть из седла. По моему скромному мнению, этому очень старательно содействовал сам конь. Видимо, животному было не все равно, кого везти.

В ближайшее время мне надлежало жить в здании, занимающем вместе с пристройками целый квартал. Остальные два квартала были оккупированы садом и хозяйственными дворцовыми постройками. Вообще говоря, территория города, огражденная крепостной стеной, четко делилась на продольные и поперечные улицы, образуя правильные кварталы мазанок и двухэтажных глухих домиков. Целая сеть узких улочек плюс довольно широкая центральная магистраль, примерно локтей двадцать – двадцать пять, тянущаяся из конца в конец южного града.

– И как тут люди дорогу находят? – поинтересовалась я сама у себя, потому что охрана меня упорно игнорировала. Скорее всего, по причине невозможности руко- и кнutoприкладства. Шкурку боялись попортить. Свою.

Мы резво проскакали (я протряслась на телеге до прикушенного языка) по вымощенной плитами дороге мимо главного входа с громадными резными дверьми и кучей отирающейся рядом стражи до малозаметного бокового входа.

Дворец был необычной архитектуры. Я с разинутым ртом взирала на каменную домину, сооруженную на фундаменте, или точнее сказать – платформе из кирпича высотой около добрых двадцати пяти, а то и тридцати локтей. Трехбашенный дворец выглядел неприглядно и грозно. Дом-крепость.

Наконец мы прибыли. Начальник каравана спешился путем шлепанья на пятую точку. Приземлился он довольно неудобно, на камень, поскольку охрана не смогла (или не захотела!) смягчить его спуск и опустила руки. Буквально.

Потом мужика, конечно, подняли, отряхнули, попутно облегчили на кошелек с золотом и показали нужное направление.

Начальник каравана немного поправил (всего пальца на два!) запыленную чалму, украшенную кучей растрепанных перьев неопознанной птички, грозно нахмурил брови и стукнул молотком в дверь, укрепленную железными листами.

– Это чтобы туда не могли зайти? – порассуждала я сама с собой. – Или оттуда выйти? Или и так и эдак? Тогда уж точно никто никуда не пойдет...

– Почему? – не удержался от вопроса Максуд, с утра страдающий нервным тиком на левый глаз после моего нечаянного взмаха цепью рядом с его штанами. Я тогда сделала вид, что это опахало и мне жарко. Максуд поверил, но все равно нервно подмигивал.

– Потому что застрянут в дверях, – посмотрела я на него укоризненно. – Если два человека идут в разных направлениях, но в одну дверь, то они неминуемо встретятся. Вопрос только – где. А если один из идущих обладает комплекцией нашего хозяина, а второй – твоей...

Максуд представил и начал подмигивать двумя глазами. Я так засмотрелась, что пропустила момент приветствия и приглашения войти.

– Куды ты прешь, шваль оперенная? – Наружу выскочила такая же упитанная тетка в накрахмаленной парандже розового цвета, расшитой золотой нитью, блестящими камешками и колокольчиками. – Зачем шайтан тебя, осколок неверных, принес? Чего ты здесь забыл?

– Господин Агилар, – подбоченился начальник каравана, имя которого упорно не хотело сохраняться в моей памяти, – велел доставить новую рабыню.

– Иде она? – недовольно осведомилась розовая занавеска.

– Вот! – ткнул в меня толстым пальцем хозяин.

Я сделала вид, что очень рада, и позвенела цепями в знак приветствия.

– Это кто? – зафырчала тетка, расширяя унизанными кольцами пальцами ту щель, в которую она смотрела на мир.

– Новая рабыня господина Агилара, – терпеливо повторил начальник каравана. – Он встретил нас на пути...

– Вай, отродье нечестивцев! В какой канаве вы подобрали это пугало? – запрыгала тетя, колыхая массой тела и напирая на караван-баши.

Тот не остался в долгу и тоже поколыхал. Они так увлеклись, что забыли о цели визита.

– Кхм, – прочистила я горло, испытывая неодолимую потребность слезть с телеги и почувствовать свои ноги, которые совсем затекли от неподвижности.

– Так где вы ее подобрали? – вспомнила обо мне розовая паранджа через некоторое время, достаточно спустив пар.

– Там, где нет розовых коров с колокольчиками, – скромно опустила я глаза, втихую доламывая край телеги.

– Как ты смеешь мне грубить, дочь ишака и гиены! – возмущенно завопила тетя, мощной дланью отодвигая застывшего начальника стражи и направляясь к телеге.

– Какая у меня, однако, разнообразная родословная, – хмыкнула я, не отводя взгляда.

Тетка приблизилась вплотную и попыталась задавить меня своим выдающимся вперед авторитетом. Я не впечатлилась. Мы немного померились взглядами, после чего у тетки начался нервный тик на правый глаз. Она оттянула свои занавески и явила миру длинный острый нос.

– Простите, госпожа, – повинулась я. – Не признала сразу...

Тетка выпрямилась и благосклонно кивнула.

– ...перепутала ворону с коровой, – закончила я. Потом подумала и кивнула на чалму с перьями начальника каравана: – Не ваши?

– Ты?!! – Тетя напряглась и попыталась меня обнять и задушить в объятиях.

Я ее опередила и опутала ее шею (по крайней мере у нормальных людей в этом месте точно должна быть шея) цепью от кандалов, притягивая к себе.

– Ой! – обрадовалась такой теплой встрече розовая занавеска и начала синхронно с Максудом моргать глазами.

– Если ты еще раз на меня полезешь, – прошептала я ей на ухо, ласково стягивая цепь потуже, – я найду чем тебя полюбить, даже если эта любовь будет безответной. Поняла?

Тетка заморгала еще интенсивнее в знак согласия.

– Госпожа Сирейла, – выскочил костлявый мужичок в бурнуса. – Господин Агилар велел сказать, что, когда привезут новую рабыню, ее нужно привести в порядок и отправить к нему. А господина Кармипнуза проводить к казначею за расчетом.

Та-ак... похоже, карма его уже пнула. Теперь мой черед?

– Хорошо, – прохрипела госпожа Сирейла. – Она уже тут.

– Где? – не понял мужичок.

Я сделала вид, что очень рада, и позвенела цепями. Только на этот раз в них запуталась тетка в розовой занавеске, поэтому звенели они грустно, не в силах конкурировать с ее колокольчиками.

– А-а-а, – задумчиво почесал феску мужичок. – Не признал вас, господин Кармипнуз. – Часто моргая, осведомился: – А рабыня где?

– Я за нее буду, – успокоила я мужичка и обратилась к охране: – Меня вместе с телегой заносить будут или вы все же снимете эти украшения? – указала глазами на внушительные кандалы. Подкинула «заманчивое» предложение: – Могу в придачу оставить вам эту милейшую госпожу. Она ласково проморгает вам сказку на ночь.

Охрана решительно отказалась от предложенной взятки и отстегнула меня от телеги.

Я, крихтя, слезла с надоевшего средства передвижения и поволокла за собой красную тетку в розовой занавеске.

По дороге в рабство я дружески побраталась со всеми охранниками, притискивая их пунцовой теткой в серо-розовой занавеске, и долго ловила убегающего начальника каравана, который отказывался с нами обниматься. Когда я его поймала, ловко подложив ему под ноги синюю тетку в рваной занавеси, он был так счастлив, что на радостях подарил мне кандалы и трижды по три проклял тот день, когда пошел в поисках кустиков, а нашел меня.

– Не надо было хватать все, что под ногами валяется! – сделала я еще один поучительный вывод, меткой рукой посылая синюю тетку в остатках занавески в дверной проем. И пошла поглазеть, куда на этот раз запулила меня рука Творца.

Внутри я осмотрела завал из подслушивающих женщин, который устроила тетка без розовой занавески, сменя всех на своем пути к моему водворению в рабство.

Я поглазела на куча-малу и поняла, что подмоги оттуда ждать нечего. Тоскливо вздохнула. Перекусила браслеты на руках, сплюнула застрявшую в зубах металлическую крошку и, отбросив в сторону покореженные кандалы, пошла искать путеводитель. Нашла.

– Куда дальше? – встряхнула я госпожу Сирейлу за шиворот помятого в перипетиях платья.

– Т-т-туда, – махнула она рукой в неопределенном направлении, стараясь принять грозный вид.

– Веди, – скомандовала я, поворачивая ее лицо в том направлении.

Все остальные поднимались с пола, постанывая и матерясь сквозь зубы. Кому как, а мне это не помешало. Наоборот, добавило задора и бодрости.

Под этот несмолкаемый аккомпанемент мы проследовали во внутренний дворик и увидели красивое двухэтажное здание с амфитеатром колонн на первом этаже и окнами, заслоненными ставнями, на втором. Мы вошли через роскошную, покрытую бело-золотистыми изразцами гостиную с камином и многочисленными нишами и полочками. Я даже приостановилась и открыла рот, наблюдая в обрамлении бронзовых плиток искусные изображения на угольно-сером фоне – высокие букеты лилий и роз и ряды нарисованных сосудов с разнообразными плодами земли – желтыми, белыми, розовыми, оранжевыми. Впечатляюще!

Откуда-то я совершенно точно знала, что это именно изразцы и они высокохудожественны, хотя никогда в своей сознательной жизни такого не видела. Керамическая плитка частично маскировала изящные закрытые ящички, встроенные в стены так, что где сами ящички, а где стена – невозможно было разгадать.

Камин-очаг был отделанверху сложносоставной золотистой коронкой и оформлен в виде полуоткрытого бело-серебристого занавеса, усеянного мелкими белыми розочками. Красиво, изысканно, чисто. Не очаг – картинка!

Каменные и деревянные полы устланы повсеместно коврами и циновками. Девушки по большей части везде ходили босиком или в симпатичных вязаных или валянных из шерсти тапочках. У входа – аккуратные ряды обуви.

Мы довольно быстро миновали несколько огромных помещений и пару длинных крытых галерей. Обстановка в доме состояла почти исключительно из диванов, не считая настенных и напольных ковров и дорожек. Интересные решетчатые окна, из которых видно все происходящее во дворе, но в то же время нельзя заглянуть вовнутрь.

Спальни для жительниц серала были немаленькими, в каждой могли уместиться человек тридцать – пятьдесят, а то и сто. По периметру помещений стояли цветастые диваны с подушками. По всей видимости, ночевали местные наложницы на полу, на матрацах и периных. Предполагаю, на день спальные принадлежности убирали внутрь встроенных шкафов. При мне один такой матрас складывали две милovidные дамы и в четыре руки запихивали в нишу.

От центрального помещения, которое представляло собой нечто вроде главной гостиной, расходились двери в личные дортуары особо отмеченных вниманием господина наложниц.

На противоположной от входа стороне центрального зала хозяева устроили альков, пол которого был поднят относительно остальной части помещения, – Сирейла, по-моему, специально меня завела сюда, чтобы я позавидовала.

Там были удобные сиденья в виде небольших, но богато украшенных софы и диванов, а также размещались трюмо, блестящие полированной медью трехсвечные и масляные подвесные светильники и столики из мрамора и черного дерева.

В многочисленных стенных нишах выставили напоказ флаконы с драгоценными маслами и розовой водой, всевозможные ларцы с украшениями, веера и мелкие безделушки. Там же стояли драгоценные кувшины и чаши.

Наконец мы доползли до обширной мраморной купальни. Я зело возрадовалась, скидывая с себя вонючее тряпье и бросаясь с разбега в громадный, выложенный разноцветной мозаикой бассейн.

После того как вылила и намазала на себя все моющие средства, имеющиеся в наличии, а тетку отпоили чем-то крепким и поднимающим тонус, я вылезла из ставшей немного серой воды и встряхнула мокрой гривой.

– Что теперь? – отжала я воду из волос.

Дамы захотели меня каждая в свои руки.

– Тихо! – остановила я поток возмущения. – Что следующее по плану?

Госпожа Сирейла скуksилась и послала ко мне двух массивных теток с сильно накачанными бицепсами. Те хмыкнули, переглянулись и разом взяли меня в оборот.

Для начала мне жестоко заломили руки и повалили на широкую лежанку. Я не сопротивлялась, решив посмотреть воочию, что будет по плану дальше.

Тетки удовлетворенно хлопнули друг дружку по ладоням, сорвали с меня банное покрывало и обильно полили приятно пахнущим маслом. После чего с гиканьем залезли сверху и начали что-то с усилиями искать на моих костях, причем пытаюсь найти это изнутри.

Периодически по мне возюкали шипастыми колючими валиками и тыкали вдоль позвоночника забавными такими рогульками из полированного камня и дерева. Было щекотно и приятно.

Присутствующие подбадривали их гортанными возгласами одобрения и свистом.

Месили меня так знатно, что я в результате замурлыкала от удовольствия. Услышав этот неожиданный звук, тетки слаженно остановились.

Я приподнялась на локтях, вывернула голову и вежливо попросила:

– Под левой лопаткой еще разок не почешете? Вон тем валиком с гвоздиками?..

После моей просьбы дамы-массажистки жутко обиделись, демонстративно собрали свои масла и оскорбленно удалились искать новое тело для замеса. Ну я так не играю! Все в этом доме не доделывают до конца! Даже обидно.

– А что, продолжения не будет? – расстроилась я, сидя на лежанке и подозрительно обнюхивая себя, – мало ли чем тут облили, вдруг гадость какая-то. – Только раззадорили.

– Одевайся! – Одна из женщин швырнула в мою сторону одежду. – Пора готовить тебя к господину.

– И даже не покормите?.. – недоверчиво спросила я, натягивая шаровары и лиф из красного прозрачного газа, расшитые золотой нитью. Хорошо придумали! И раздеваться будет легко и удобно!

– Кто не работает, тот не ест! – отрезала госпожа Сирейла, делая знак кому-то позади меня.

Не успела я опомниться, как на моей шее защелкнулся легкий ажурный ошейник. Я потрогала его кончиками пальцев и решила благоразумно промолчать. Если совсем кормить не будут, то сойдет как закуска. Я втихую по дороге сюда весь запас кандалов перегрызла как сухарики. Жалко, не увижу лица начальника каравана, когда он обнаружит потерю рабочего инструмента.

Госпожа Сирейла оглядела меня со злорадным блеском в глазах и хлопнула в ладоши. В баню тут же вошел дюжий мужик в красных штанах и замызганном кожаном фартуке, прикрывающем волосатую грудь. В руках у него был железный ящик, от которого несло жаром.

– Во! – кивнула я на него. – Смотрите, девочки, к вам работа сама пришла. Раз у меня взять нечего, можете его массажировать сколько хотите. Тут мно-ого...

Мужик ослабил, показав редкие коричневые зубы, и достал из переносной жаровни какую-то круглую штукюину на ручке, разогретую до белого цвета.

– Готова? – угрожающе прорычал он, подступая ко мне с видом записного злодея.

В это время пять теток начали меня хватать за руки и ноги, вцепляясь, словно клещи в собачье ухо. Одна особо настырная служанка начала стягивать мои шаровары. Ведь только что сами их дали! Зачем они ей, спрашивается, так срочно понадобились?

– К чему? – осторожно спросила я, не отводя взгляда от громилы. И лягнула ту самоубийцу, которая тащит чужое без спроса. Та булькнула и свалилась в обморок.

– К клейму, – чуток опешил мужик от моей непосредственности.

– Зачем? – несказанно удивилась я, не делая никаких попыток вырваться.

– Таких непокорных нужно клеймить! – влезла госпожа Сирейла, радостно потирая руки и сияя мясистым лицом с черными провалами насурьмленных глаз. – Сразу станешь как шелковая!

– Не думаю... – откровенно засомневалась я.

– А ты не думай! – заржал мужик, похотливо раздевая меня глазами. – Вам, гаремным девушкам, думать не положено. У вас для работы другие места есть! – И плотоядно ощерился.

Я прямо расцвела от такого внимания. Но на бесцеремонность обозлилась.

– Не буду, – согласилась я, без особых усилий стряхивая теток и отбирая у громилы клеймо. – Прежде чем допустить тебя к себе... – покрутила я в руках железяку. – Шайтан! Куда оно, кстати, ставится?

– На правую ягодицу, – пробормотал мужик, с удивлением рассматривая свои опустевшие руки.

– Это где? – невинно улыбнулась я ему своей самой лучшей улыбкой, очаровательной, широкой и дружелюбной.

Громила повернулся ко мне тылом и ткнул пальцем в нужное место:

– Сюда. А теперь верни мое орудие производства.

– Да пожалуйста, – хмыкнула я, сдергивая с него штаны и впечатывая клеймо именно туда, куда он показал. – Мне оно все равно не нужно.

– У-у-у! – заорал мужик, подпрыгивая и прижимая руки к обожженному зад.

– По-моему, нечетко отпечаталось, – поделилась я впечатлениями. – Нужно повторить.

Громила на мгновение замер и рванул на выход. Я умело отсекала его от цели.

– Что-то он не стал шелковым, – фыркнула я, поигрывая клеймом. – Подозрительно! Вы, почтенные, что-то в порядке действий упустили или недоработали.

Госпожа Сирейла мудро промолчала из-под лежанки для массажа. Наверное, у нее не было другого места для дружеской продолжительной беседы, так как туда набились и все остальные.

– Если я тебя догоню, – пообещала я громиле, – то украшу отпечатками по всему телу, а если ты сам...

Мужик полез на оконную решетку и притворился декоративным плющом. Или диким вьющимся виноградом...

– Не хочешь, значит? – спросила я, примеривая на глаз расстояние.

– Не-а, – замотал он лысой головой, разбивая мои представления о том, что растения не могут говорить.

– Тогда лови! – хмыкнула я и с небольшим усилием швырнула клеймо в него, предварительно отломав деревянную рукоятку. Острый конец железки воткнулся ровно по центру приобретенного им украшения.

– А-а-а!!! – Плющ в красных штанах задергался и начал сползать по решетке.

Я с интересом следила за его возвращением в наше приятное общество.

– Что здесь происходит? – раздалось сзади.

Я переместилась, не выпуская из поля зрения громилу. К нам пожаловал господин Агилар. Очень сердитый, судя по нахмуренным бровям и напряженной челюсти.

– Я опробовала ваше клеймо, – пояснила ему, откидывая с лица волосы.

Мужчина отвел взгляд от громилы, посмотрел на меня и... застыл. Потом потряхнул головой и поинтересовался:

– Зачем?

– Вот и я спрашиваю – зачем это было нужно? – недоуменно хлопнула я ресницами.

– По моим правилам, – поиграл желваками мой будущий господин Агилар, – каждая рабыня должна быть закована или заклеена. Или и то и другое. Во избежание побега, который, кстати, – он пристально посмотрел в глаза, – карается смертью.

– Доходчиво, – кивнула я, направляясь к громиле. – Но, боюсь, вам не удастся «или то и другое» в ближайшее время.

– Я не отдавал приказа тебя клеймить, – еще больше нахмурился Агилар. Его приятный голос стал громче и строже: – Сирейла проявила самоуправство. – Хозяин дворца окинул сердитым взглядом растерзанного палача, толстых куриц, забившихся под топчан, и навскидку оценил свои потери, моральные и физические: – Но ты испортила мое имущество и понесешь наказание.

– Какое? – Я достигла громилы и выдернула из него чуть-чуть погнутое клеймо.

Мужик застонал, будто я сейчас пропорола его насмерть, и закатил глаза. Если он попробует еще и упасть в обморок, я разочаруюсь во всем мужском роде!

Нет, не упал. Но изобразил посмертные конвульсии, сотрясаясь всем телом.

– Амирфалака³, – вынес решение Агилар, не вступая в дальнейшие обсуждения и дискуссии. – Десять ударов по ступням.

Вообще-то, когда я спрашивала, речь шла именно о порче, а не наказании! У кого-то большие проблемы со слухом!

Я зло прищурилась и скрипнула зубами. Завязав рукоятку клейма узлом, всучила Агилару и поинтересовалась:

– Куда идти?..

³ Европейское название – бастинадо. Изошренное наказание или казнь, которые заключаются в нанесении ударов тростью, плетью или ремнем по ступням и пяткам.

Глава 8

Если мужчина изъявил желание вас поцупать, обязательно поинтересуйтесь – чем именно, во избежание сюрпризов.
Амариллис

Сопровождаемая грозным Агиларом, не сводящим с меня глаз, и охающей госпожой Сирейлой, не сводящей глаз с Агилара, я благополучно доставила себя в помещение для наказания. Эта средних размеров комната, уставленная всяческими приспособлениями, располагалась не очень далеко от бани.

– Это чтобы далеко не ходить? – полюбопытствовала я, разглядывая внушительную коллекцию кнутов и плеток.

– Ясир! – крикнул Агилар, игнорируя мой вопрос.

Из-за едва заметной двери показался высокий худощавый человек с мертвыми глазами. В его черных очах не отражалось ничего: ни мыслей, ни эмоций. Словно их завесили непроницаемыми шторами.

– Что прикажет господин? – согнулся в поклоне палач, видимо по традиции тоже одетый в красные штаны и кожаный фартук.

– Амирфалака. Десять ударов, – коротко распорядился Агилар, усаживаясь в мягкое кресло с высокой спинкой.

Ясир окинул меня взглядом и, протянув руку, сказал:

– Прошу, – указывая на низкую скамью, заканчивавшуюся высокой стенкой со встроенными колодками.

Я радужно улыбнулась и, не споря, улеглась на предложенное место. Ясир ловко, с привычной сноровкой засунул мои щиколотки в колодки, прихватывая вместе большие пальцы ног и поднимая стопы вверх, потом привязал руки, задирая над головой.

– Что прикажете использовать, господин? – склонился он перед Агиларом, рядом с которым застыла пунцовая от счастья Сирейла. – Семижилную плетку, пучок розог, трость? Кнут из кожи буйвола?

– Трость. – Агилар был удивительно немногословен.

– Как прикажет господин, – снова поклонился Ясир и отошел к противоположной стене, у которой стояла стойка с множеством всяких палок, кнутобойных устройств и разнообразных палаческих принадлежностей.

Выбрав одну из палок, палач взмахнул ею в воздухе, высекая свист, и на вытянутых руках с поклоном принес на одобрение хозяину.

Агилар осмотрел, сжал губы и кивнул.

Ясир подошел ко мне, ласково, практически нежно погладил ступни. Потом замахнулся и с хлестом опустил на них трость.

У меня возникло желание почесаться. Но все остальные отреагировали как-то странно. Агилар подался вперед, схватившись пальцами за подлокотники кресла до побелевших костяшек. Сейчас его губы были сурово сжаты, а ввалившиеся глаза свидетельствовали о крайней степени усталости или страданий, перенесенных не так давно. От него исходили остаточные эманации горя – если правильно понимаю, не так давно у господина умер кто-то близкий.

Хлесь!

Сирейла облизнула губы и тяжело задышала, перебирая бахромю пояса. Ясир проявил какое-то подобие удивления.

Я честно не понимала, что происходит и чего от меня хотят. Но вскоре до меня дошло – это, по идее, должно быть больно, и я просто обязана кричать, плакать и умолять о пощаде.

Мысленно пожала плечами. Что мне, трудно, что ли, сделать людям приятное? Хочется им услышать от меня надрывные вопли – да мне не жалко, могу и покричать всем на радость, раз уж так этого ждут.

Ясир ударил меня во второй раз.

Снова захотелось почесаться от возникшей в ступнях щекотки. Я мужественно подавила хихиканье и с большим трудом выдавила из себя слезу. По-моему, на нее ушли все мои ресурсы. К тому же уследила уши присутствующих истошным визгом. Они сразу успокоились и продолжили наказание.

На восьмом ударе госпожа Сирейла нижеайше попросила Агилара смилостивиться и смягчить кару. Не думаю, чтобы он ее услышал. Орала я добросовестно, во всю силу легких, даже у самой в ушах звенело.

Единственное, на что меня не хватило, – умолять о пощаде. С моей точки зрения, это был бы уже заметный перебор, да и такое поведение явно не в моем стиле. Не поверят.

На девятом ударе сломался Ясир и попросил у меня прощения. Это было так трогательно, что я даже перестала на мгновение орать и простила его от всей души, пообещав не запикивать ему трость... ну, куда влезет. Естественно, мысленно.

После десятого удара все облегченно вздохнули.

– Надеюсь, теперь ты будешь следовать моим законам, рабыня, – надменно сказал Агилар, давая знак освободить меня.

Я проигнорировала. Слишком увлеклась криком и стонами.

– Пусть сегодня отдохнет, – распорядился мужчина, обращаясь к Сирейле. – Покажи девушку лекарю. Ко мне приведешь ее завтра. Сегодня я жду Гюзель.

– Как прикажет мой господин, – склонилась в поклоне тетка.

Пока суть да дело, Ясир освободил меня. Я потянулась, разминая затекшее тело, и легко встала на ноги.

Все присутствующие снова умолкли и с недоумением уставились на мои ступни. До меня дошло, что я опять облажалась. Скорее всего, должна быть дикая боль, если уж один мерзавец озабочен тем, чтобы показать меня лекарю.

Я заорала и запрыгнула к Ясиру на ручки. И для полновесного эффекта еще немного поорала ему в ухо. Палач слегка растерялся и взял. Правда, потом под тяжелым взглядом господина бережно передал ему, заработав глухоту на одно ухо и поцелуй в щеку.

– Скоро пройдет, – нежно успокоил меня Агилар, держа на руках. – Завтра будет едва чувствоваться.

И как это понимать? Палки плохо сочетаются с нежностью, а презрение и пытки – с любовью. Я закусила губу и зыркнула на него из-под бровей.

– Как тебя зовут, рабыня? – внезапно спросил мужчина, неосознанно сильнее прижимая к груди.

Я было открыла рот, чтобы сказать: «Понятия не имею!»

– Впрочем, не важно, – непоследовательно решил Агилар. – Я буду звать тебя Амариллис. Так называется редкий ярко-алый цветок.

Рот я закрыла. Скорее из боязни укусить, нежели из скромности или почтения к хозяину.

– Кто же ты, Амариллис? – тихо спросил Агилар, задумчиво рассматривая мое лицо.

Дверь в пыточную распахнулась, и появился давешний дедушка верхом на маленьком лопухом ослике.

С потолка, что ли, сверзился? Не могу себе представить, чтобы его пропустили во внутренние помещения с верховым животным, да еще и ослом! Здесь ослики, не в пример благородным скакунам, не в почете.

Хотя гордишься ты своим умом,

Пред миром вечно будешь дураком.

Твою ученость дегтем льют по бочкам,

А мудрость Господа и в капельке росы найдем.

– Привет, неродственник! Давно не виделись! – обрадовалась я безобидному старичку, который ни разу не попытался сделать мне больно, в отличие от разных присутствующих здесь личностей.

– Что тебе нужно в моем доме, Веселый Дервиш? – обеспокоенно спросил Агилар, еще крепче прижимая меня к себе.

– Ничего, сын пустыни, – хитро улыбнулся старик. – Спроси лучше, что нужно тебе от меня!

– Ничего, – пробормотал мужчина, склоняясь надо мной и укрывая от старика. – Всем, что мне нужно, я уже владею!

– Ой ли! – хмыкнул почтеннейший дедуля. – Тогда встретимся позднее, человек, стоящий на распутье. – И растаял в воздухе, сказав мне на прощанье: – Пусти в себя свет, девушка с глазами цвета амариллиса, и открой свою тьму...

– Ой! – со стуком рухнула в обморок Сирейла.

Я внимательно наблюдала за ней, впитывая детали. Должна же я знать, как падают в обмороки. Вдруг в будущем пригодится?

«Хрым!» – сломал трость в руках Ясир, глядя на меня. После чего молча склонился в почтительном поклоне.

– Кто же ты? – раздул ноздри Агилар, раздраженно шурясь. – Отвечай!

– Меня нашли в пустыне голую, – спокойно сообщила я, глядя на него кристально честными глазами. – Про память начальник каравана не упоминал. То ли не нашел, то ли до него свистнули...

– Это отговорки, – начал злиться Агилар. – Я жду ответа. Кто ты, рабыня?

– Некая особь, предположительно женского пола, – невинно хлопнула я ресницами. С немалой долей лукавства продолжила: – Которую сначала кучу времени таскали по пустыне, закованную в железо для тепла и удобства, потом протащили через весь город, продав некоему господину. Который, в свою очередь, приказал ее побить тростью по вот этим вот ножкам. – Я изогнулась у него на руках и сунула ему под нос свою ступню.

Мужчина остановился и застыл, изучая предложенное.

– Женский пол я определила по этому. – В этот раз у него перед носом оказалась моя грудь, слегка прикрытая газом.

Тут мы еще немного постояли. Как раз столько времени, чтобы к нам присоединилась запыхавшаяся и надутая госпожа Сирейла.

Я задумалась, чего бы еще ему показать. На ум приходила только задняя часть моей панорамы, но мне не хотелось напоминать о клейме. Вдруг у них во дворце персонально для меня найдется еще одно, где-то заныканное.

– Саид! – заорал Агилар.

Чуть ли не из-под земли вырос мужчина в пестром халате и громадной розовой чалме. Милый такой. Особенно мне понравились подбородки, постепенно стекавшие на грудь.

– Отнеси рабыню к лекарю! – передал меня с рук на руки хозяин. – Скажи, пусть посмотрит и обработает ступни. Завтра она должна быть в порядке.

– Слушаюсь, мой господин, – поклонился Саид вместе со мной.

Меня так обволокло мягким телом, что я разнежилась и заворковала, расправляя жирные складочки:

– Какой же ты красивый, Саид.

Все снова застыли и вылупились на меня, как на оазис в пустыне.

– Расскажи мне, ненаглядный толстопузик, – погладила я его по пухлым щекам и обнаружила изумленные карие глаза. – Я тебе нравлюсь?

– Я евнух, – смущенно признался толстяк. – Мне никто не может нравиться.

– Евнух? А это кто?.. – удивилась я в полной тишине. – Кто-то особенный? Я не понимаю, чем он от остальных людей отличается. У него жабры растут или хвост телепается?

– У меня нет того, чему может нравиться женщина, – попытался объяснить евнух, стараясь не встречаться взглядом с хозяином.

– Мозгов, что ли? – не поверила я своим ушам.

От евнуха исходили оглушающие флюиды нерастроченной жажды любви и тщательно подавляемого, но отнюдь не исчезнувшего желания. Они чувствовались на расстоянии и вызвали у меня комфортное расслабление и стремление понежиться в лучах мощного источника чего-то приятного.

– А выглядишь очень даже целым. Таким... мм... – Я облизнулась: – Монументально целым. – Мурлыкнула: – Прямо-таки колоссально целым... И брось ты эти предрассудки. – Я ласково постучала пальчиком по его лбу. – Если у тебя чего-то не хватает, то все равно нужно жить дальше. У меня вот памяти нет. И что?

– Что? – влез Агилар, играя желваками и стискивая руку на сабле, которую он наполовину вытащил из ножен, сам того не замечая.

– Живу себе как-то... – пожала я плечами. Обратилась к толстопузу: – Пойдем, моя медовая лепешка, навестим лекаря. А по дороге я расскажу, как я могу тебе понравиться...

– Сам ее отнесу! – слишком поспешно выхватил меня из объятий разочарованного евнуха Агилар и зашагал дальше по коридору.

– Пока, мой сладкий персик, – пропела я, выглядывая из-за плеча уносившего меня мужчины. – Увидимся в гареме!

Госпожа Сирейла обошла пару раз вокруг Саида, пристально осмотрела со всех сторон и приказала толстяку, перед тем как нас догнать:

– Вечером зайдешь ко мне. – Многозначительно: – Будем проводить беседу на тему симпатий...

– Мне стоило приказать вставить тебе кляп! – рычал Агилар, размашисто следуя по коридору. – Тогда ты будешь меньше молоть всякую чушь своим языком!

– А что еще можно молоть языком? – заинтересовалась я. – Мне, правда, сказали, что можно сделать так. – И я провела язычком по его губам.

Сильные пальцы сжались еще крепче.

– Или так... – Я проникла им вовнутрь и коснулась его языка.

Агилар напрягся и застонал, отвечая на поцелуй.

– Еще можно сделать так, – прошептала я ему в губы, разворачиваясь у него на руках и обнимая ногами за талию.

По мускулистому торсу прокатилась едва заметная судорога, легкая дрожь, нашедшая пылкий отклик в моем теле.

– Что ты делаешь, рабыня? – Дыхание мужчины сбилось.

Вокруг нас клубился сладкий одуряющий аромат желания, сводивший меня с ума. Я была очень, очень голодна. Эманий евнуха мне было мало, на один зуб.

– Живу, – приникла я к его губам, пока меня удобно устраивали на подставке для вазы, которую нечаянно разбили, когда искали, куда бы меня усадить. – Хочешь узнать как?

– Господин! – с плохо скрытой укоризной тонким голосом воскликнула госпожа Сирейла, портя мне все удовольствие от пробы этого восхитительного мужчины. – Мне уйти?

Я отстранилась и отодвинула разгоряченного Агилара на длину ног, упираясь в него ступнями:

– У меня моральная травма! И мы шли к лекарю!

Я думала, что после этих слов он меня убьет. Но нет, только испепелил взглядом, взвалил на плечо и резвым конем доскакал до места обитания дворцового коновала. Там хозяин гарема скинул меня на мягкий матрас, словно куль с мукой, и приказал:

– Чтобы к вечеру была здорова и у меня в постели! Иначе...

– А как же Гюзель? – осторожно напомнила смотрительница гарема.

– К шайтану! – четко определил место отправки наложницы Агилар, следуя к двери. Но неожиданно остановился в проеме и передумал. Велел: – Пришли ее сейчас! Немедленно!

– Так вот кто тут шайтан! – сделала я логичный вывод, пока побелевший лекарь осматривал мои ступни.

Агилар вернулся, навис надо мной и прошипел:

– Сегодня ночью ты мне покоришься, рабыня! Или умрешь!

– Есть еще какой-то выбор? – поинтересовалась я, отбирая у лекаря банку с вкусно пахнущей мазью и засовывая туда палец. – Может, сойдемся на десяти ударах амирфалака?..

Зрители остолбенели.

– Прости ее, мой господин! – бухнулся в ноги Агилару лекарь, уже достигший нежно-зеленого цвета. – Она не ведает, что говорит!

– Ведаю, – опровергла я его, пробуя мазь на вкус. – Мням. Я только что оттуда.

– И хочешь еще раз туда вернуться?! – не поверил своим ушам Агилар.

– Если только вы меня туда и обратно отнесете на руках, то можете носить сколько хотите, – внесла я предложение, зачерпывая мазь ладонью и запихивая в рот. – А если еще по дороге будет пара-тройка таких же симпатичных евнухов...

– Что ты делаешь? – опомнился лекарь, уже слившийся по цвету с зеленым бурнусом, и отобрал у меня ополовиненную банку с мазью. – Там змеиный яд!

– Не чувствуется, – заверила я его. – Вас явно надули с ингредиентами.

– Да кто ты, шайтан тебя побери, такая? – заорал одновременно взбешенный и напуганный хозяин. – Промой ей желудок!

– Не надо мне ничего мыть! – надула я губы, между делом облизнув нижнюю и соорудив глазки лекарю. – У меня все в порядке. Я просто голодная. И если у вас кормят только за секс или амирфалаку, то, может, мы уже как-то договоримся? Пока я не скончалась от голода?

– Почему ее не накормили? – нахмурился хозяин, поворачиваясь к вездесущей госпоже Сирейле. Та скромно потупилась. – Понятно! Брось немедленно!!!

Это уже мне. Потому что я сунула нос во что-то, приятно пахнущее кисленьким, и собралась похлебать мутной водицы из этого сосуда.

– Лучше я тебя сейчас сам убью, – рявкнул Агилар, – чем буду видеть, как ты медленно умираешь от выпитой сильно концентрированной уксусной эссенции!

– У меня ноги болят! – вспомнила я о цели визита, показывая всем свои ступни и отвлекая от идеи избавиться от моей персоны.

– Лечить! – ткнул пальцем в лекаря Агилар.

Тот потянулся за остатками мази.

– Вовнутрь? – просяще глянула я на хозяина жалобными глазами лани.

– Кормить! – рявкнул тот Сирейле. – Накормить досыта!

Смотрительница гарема шустро вымелась за дверь.

– Какая цена? – деловито осведомилась я, прислушиваясь к своему несчастному желудку.

– Узнаешь! Потом! – зловеще пообещал Агилар и вышел из комнаты.

– А почему не сейчас? – изумилась я, вставая на ноги и поддерживая трясущегося лекаря.

Старик посмотрел на мои ноги и осел на пол кучкой.

– Все, – расстроилась я. – Лечение отменяется. Как только должно произойти что-то хорошее, обязательно кто-то падает в обморок!

Глава 9

Логика: сначала показать всем, а потом кричать: «Мое!» – прятать.
Эля

Нашествие мастеров гламурного глянца, приглашенных ко мне боссом, я перенесла тяжело. Вырвав свои конечности из цепких рук мастера по маникюру, я оглядела покрытые бордовым лаком ногти, подпиленные под коготки, и хмыкнула:

– Фильмов про вампиров пересмотрели? Или книг перечитали?

– Это последний крик моды, – обиделась девушка, собирая свои инструменты.

– Последний в том смысле, что после того, как увидят, могут только шипеть и выражаться междометиями? – подняла я брови.

– Нет! – фыркнула мастер. – Бурно радоваться!

– Ну тогда ладно, – успокоилась я, поворачиваясь к скушающему молодому человеку в обтягивающих штанах, ремень которых начинался ровно на том месте, где мужчины отличаются от женщин. (Так вот, этот молодой человек не отличался! Ни по внешнему виду, ни по манерам.) – Я сейчас приду. Минутку.

– Только быстрее! – крикнул мне вслед стилист, когда я удалялась в ванную комнату. – Меня еще в одном месте ждут! Пупсик... – Он схватил телефонную трубку.

Максим Александрович для моего преобразования милостиво предоставил одну из гостевых спален, превращенную в салон для переделки людей.

– Знаю я, где тебя ждут, – пробормотала я, захлопывая за собой массивную дверь и доставая из кармана домашнего платья-балахона маленький контейнер. – И даже знаю, какой доктор плачет по тебе горячими слезами!

Открыла контейнер и достала пару контактных линз коричневого цвета. Они скроют мой настоящий цвет глаз и позволят снять черные очки, хотя и ухудшат зрение. Но дешевые черные очки совершенно не гармонировали с дорогим вечерним туалетом.

Я вставила линзы, помассировала веки. После стащила с себя одежду и надела кружевные стринги, черные подвязки и чулки. Накинула банный халат сверху.

Мне абсолютно не хотелось демонстрировать посторонним кое-какие детали.

Стянула платок и распустила стянутые в тугую косу волосы, заструившиеся вдоль спины мягкими волнами и закрутившиеся около бедер в кольца.

Еще раз посмотрела на себя в зеркало, тяжело вздохнула, прощаясь с удобным и комфортным образом не приметной мышки, и вышла из ванной.

Молодой человек со странным именем Котик потерял дар речи и нашел в себе мужское либидо.

– Упс! – выдохнул стилист, отодвигая стул около тумбочки с зеркалом. – Это... – Он помахал рукой с растопыренными пальцами. – Это... фантастика! Я знаю, что я сейчас сделаю!

– Сейчас ты сделаешь, – я пристально посмотрела ему в чуть заметно подведенные глаза, – то, что скажу. Сначала ты уложишь мои волосы так, как я хочу. После этого соберешь свои вещи и пойдешь домой. По дороге позвонишь своему пупсику и попросишься с ним на веки вечные, если не хочешь умереть через два года от СПИДа. Ты меня понял?

– Понял, – послушно кивнул стилист и занялся моими волосами.

От прикосновения умелых рук я чуть не мурлыкала, наслаждаясь редким мгновением удовольствия. Когда все было закончено, я отпустила стилиста, сердечно поблагодарив и поцеловав в щеку.

Ну, теперь мальчик будет открыт для новых свершений на другом поле. Женщины им порадуются. Мелочь, а приятно.

Достала из футляра платье. Аккуратно надела. Обула туфли. Еще раз посмотрелась в зеркало, удовлетворенно хмыкнула и пошла радовать домашнего шантажиста, чтоб ему сто лет икалось.

Пока я спускалась по лестнице, у Максима Александровича, который ждал меня внизу в дорогом черно-синем костюме от кутюр, перехватило дух. И пошла обычная мужская реакция, которую он мгновенно попытался скрыть, одернув полу пиджака.

Я знала, что именно он видит.

Темно-каштановые волосы с красными прядями, собранные спереди в «корону» с небольшими выпущенными прядками, и основная масса волос, падающая на спину.

Тонкое лицо с правильными чертами. Изящно выгнутые дуги бровей над большими миндалевидными глазами, опущенными длинными, загнутыми ресницами. Сочный рот с чуть припухлой нижней губой. Упрямый подбородок с едва заметной ямочкой.

Стройное тело, обтянутое платьем из черного джерси. Ткань закрывает меня от шеи до черных туфель на каблуках с красной подошвой. Воротник-стойка подчеркивает стройность шеи и пышность груди. Платье расходится у бедер в клеш. Спереди сделано два длинных разреза, через которые выглядывает красное кружево. В разрезах при движении мелькают ноги, интригуя и притягивая взгляд. И сверх всего этого сносящая крышу всем особям, которые носят штаны, от шести до девяноста, невероятная сексуальная притягательность. Мой щит и меч, благословение и проклятие.

Но мой спутник еще не видел главного сюрприза этого платья.

– Ну как? – коварно улыбнулась я, подходя к Максиму Александровичу.

Он вздрогнул, будто раздался гром посреди ясного неба. Хорошо хоть не подпрыгнул. Максим взял себя в руки и небрежно уронил:

– Гораздо лучше, чем я думал.

Но его выдали глаза. В них застыл шок.

– И на том спасибо! – порадовалась я за креативность его мышления. – Пойдемте?

– Подожди, – попросил меня спутник, поднимая с пуфика роскошный палантин из черной норки с красными покрашенными хвостиками. – Я подумал, твоя телогрейка к платью не подойдет.

– Мой пуховик универсален! – чисто из принципа возразила я, поворачиваясь к шефу спиной и поднимая волосы.

Тихий стон послужил мне наградой. Я улыбнулась и посмотрела на работодателя через плечо.

У Максима Александровича был вид человека, стукнутого пыльным мешком из-за угла. Лицо побледнело. Зрачки расширились, почти скрывая серо-стальную, с проблесками синего радужку. Он окаменел, не имея сил двигаться или что-либо сказать. Словно его ударила молния.

Дело в том, что мое платье не имело спины. От поясницы до шеи – обнаженная кожа. Только в районе лопаток два тоненьких перекрещенных ремешка, чтобы не дать платью разойтись.

– Ты решила меня добить, – произнес наконец Максим Александрович хриплым голосом, накидывая мне на плечи палантин. Заметил, сцепив зубы и гуляя желваками: – Это против правил.

– Всего лишь отомстить, – скромно призналась я, поворачиваясь и сужая глаза. – И я играю по своим правилам.

– Можешь называть меня Максом, – сменил тему мужчина.

– Хорошо, Максим Александрович, – кивнула я, не желая укорачивать дистанцию между нами.

– Упрямая, – буркнул он, предлагая мне руку.

– У меня еще много достоинств, – поведала я ему, принимая руку и опираясь на нее. – Некоторые очень глубоко скрыты. Искать не советую. Можете потеряться.

– Приму к сведению, – сказал мой спутник, бережно усаживая меня в машину.

– Вам какая витрина нужна рядом? – поинтересовалась я спустя какое-то время. – Поглупее? Постервознее?

– Просто будь сама собой, – ответил Максим Александрович после краткого раздумья.

– А вы знаете, какая я на самом деле? – иронично улыбнулась я уголком губ, бросая быстрый взгляд на сжатые до белых костяшек руки, державшие руль.

– Думаю, непосредственная, – спокойно предположил он. Мельком окинул меня взглядом: – И непредсказуемая.

– Вы еще не знаете насколько, – лениво поддакнула я, расфокусированным зрением всматриваясь в огни, мелькающие за стеклом.

– Вот и узнаю, – согласился он на то, о чем даже не имел представления. Бедолага!

Я тихо вздохнула. Лучше не надо. «Во многих знаниях многия печали». Мне представилась редкая возможность побыть собой, за которую я, скорее всего, заплачу огромную, просто непомерную цену. Но жизнь – это такая стерва, которая не позволяет экономить ни на чем.

Мы подъехали к освещенному множеством огней ресторану и вырулили на стоянку. Максим вышел сам, помог вылезти мне и небрежно положил ключи в карман. Предложил мне руку:

– Прошу.

– Спасибо, – поблагодарила я, сверкнув улыбкой и вводя в ступор всех, кто был в пределах видимости.

Должны же у меня быть хоть какие-то приятные моменты в этом мероприятии? Шикарное платье и туфли стимулируют далеко не всех женщин, как хочется думать противоположному полу. Лучше всего стимулирует дам надежный спутник и защищенный тыл. И я собиралась притвориться, что так оно для меня и есть. Стала, так сказать, «калифом на час».

В груди сладко щемило предвкушение. Я чувствовала прилив сил. В голове бурлили разнообразные идеи, мир засиял яркими красками. Что ж... Наверное, я должна сказать Максиму спасибо. Моя затянувшаяся депрессия отступила. Впервые за долгое время чувствую себя восхитительно живой.

– Рады приветствовать вас, Максим Александрович, – склонился у входа подтянутый швейцар. – И вашу спутницу тоже.

– И вам удачной охоты, Олег Васильевич, – мягко улыбнулась я, снова заставив мужчин остоленеть.

– Откуда ты знаешь его имя? – прошипел мой спутник, увлекая меня в зал.

– Оттуда, – кивнула я на табличку «Сегодня вас обслуживает Кузькин Олег Васильевич» у входа. – Представляете, я умею читать. Если вы, конечно, заметили.

– Я... – начал говорить мой работодатель, втаскивая меня в заполненный людьми зал и попадая в объятия представительного господина средних лет в сопровождении сухопарой воблы со следами многочисленных подтяжек на лошадином лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.